

Врачебные [секреты]

Юлия Алейникова

ПРИХОДИ К НЕМУ
ЛЕЧИТЬСЯ...

Юлия Алейникова
Приходи к нему лечиться...
Серия «Врачебные секреты»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648598

Юлия Алейникова. Приходи к нему лечиться: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-69213-2

Аннотация

Медсестра Оксана Берестова решила провести свой отпуск в Петербурге. Приехав в город, она обнаружила: ее двоюродная сестра Саша, у которой девушка планировала остановиться, таинственным образом пропала. Удивительно, но Саша перед своим исчезновением сделала все возможное, чтобы стать внешне похожей на Берестову. Ее-то злоумышленники и принимают за сбежавшую кузину: сначала следят по всему городу, а затем нападают в лифте... Вероятнее всего, Саша попала в какую-то историю и скрылась. Оксана устраивается на работу в больницу, где трудилась сестра. В дорогой и престижной клинике творятся странные дела: во время простых операций под скальпелем профессионального хирурга и команды медиков умирают пациенты. И все это происходит в VIP-отделении, куда простым смертным вход воспрещен.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	44
Часть 2	61
Глава 1	61
Глава 2	73
Глава 3	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Юлия Алейникова

Приходи к нему лечиться

Часть 1

Оксана

Глава 1

Оксана Берестова, глубоко вздохнув, нажала кнопку звонка и приготовилась завизжать, как в детстве, от радости. Звонок разлился за железной дверью длинной веселой трелью. Но открывать никто, похоже, не торопился.

– Просыпайся, балда, сестра приехала! – тихонько проговорила Оксана, второй раз нажимая кнопку, хотя, учитывая время, вряд ли Саша спала.

Оксана снова нажала на кнопку и окончательно убедилась, что за дверью ее никто не ждет.

– Как же так? – Оксана стояла и хмуро смотрела на дверь. Она же сама разговаривала с Сашкой, та сказала, что будет ждать ее дома, потому что после дежурства у нее нет сил на вокзал тащиться. Оксана и не настаивала. Что она, одна на метро не доедет? А от метро до Сашиного дома рукой подать.

Она по карте посмотрела.

Когда Оксана последний раз была в Санкт-Петербурге, они с Сашей еще в школе учились. Теперь обе выросли, стали самостоятельными взрослыми барышнями, и Оксана надеялась, что они классно проведут вместе время. Конечно, она не рассчитывала, что Сашка сможет целыми днями ходить с ней по музеям и магазинам, но достаточно и несколько раз сходить в клубы, в кино, познакомиться с ее друзьями.

Саша была Оксаниной двоюродной сестрой, дочерью родной сестры Оксаниной мамы. Когда-то давно Оксанина мама вышла замуж за папу и уехала с ним в Новосибирск, а Сашина мама осталась в Петербурге, где тоже вышла замуж и родила Сашу. Саша с Оксаной были ровесницами, и еще обе были очень похожи на свою бабушку и, соответственно, друг на друга. Было время, когда Оксанина семья каждый год приезжала в отпуск в Петербург, но постепенно эти визиты становились все реже, и так вышло, что в последний раз Саша с Оксаной виделись лет семь назад.

Время от времени родственники созванивались, а Саша с Оксаной поддерживали связь «ВКонтакте». И вот в этом году, вместо двух недель в Турции или Египте, Оксана решила провести отпуск в Петербурге, который считала своим вторым родным городом. Сашка обещала ей улетную вечернюю программу. Учитывая характер сестры и ее обширные знакомства, Оксана рассчитывала весело провести время. «Сашка была девушкой энергичной, жизнерадостной и

даже немного бесшабашной, но все же не до такой степени, чтобы уйти из дома, когда двоюродная сестра с чемоданами уже на пороге», – сердито думала Оксана, глядя то на часы, то на запертую дверь. «Придется звонить этой легкомысленной особе, а у меня, между прочим, симка еще новосибирская, звонок будет междугородний», – мрачно размышляла Оксана, отыскивая в списке нужный номер. Номер молчал. Точнее – был отключен.

Да что же это такое? Где эта нахалка? Оксана чувствовала, что закипает от подобного гостеприимства. И ведь, как назло, дядя Витя с тетей Ирой сидят где-то на даче под Петербургом! Ни адреса дачи, ни номеров их мобильных она, конечно, не знает. Что делать? Куда деваться? И сколько времени ей придется ждать? Час? Два? Три?

Помаявшись под дверью, Оксана решила позвонить соседям и попросить оставить у них на время чемодан, а самой пойти прогуляться, пока бессовестная сестрица домой не явиться.

– Кто там? – раздался из-за двери высокий манерный голос.

– Здравствуйте, я сестра вашей соседки Саши Федоровой, – погромче ответила Оксана в расчете на возраст соседки.

За дверью тихо лязгнули замки, дверь отворилась, на пороге возникла пожилая дама лет шестидесяти пяти с пышно взбитой прической, в цветастом шелковом халате и с высоко

поднятыми подкрашенными бровями.

– Добрый день, – проговорила дама хорошо поставленным высоким голосом, слегка растягивая гласные. – Представьтесь, пожалуйста.

– Я сестра вашей...

– Это я уже слышала, благодарю вас, а теперь представьтесь, – еще раз потребовала изысканная особа.

– Берестова Оксана Александровна, двадцать три года, проживаю... – возмущенно вытаращив и без того не маленькие глаза, начала доклад Оксана, отметив про себя, что за последние семь лет и город, и его обитатели сильно изменились, и, надо отметить, не в лучшую сторону.

– Достаточно, – снова перебила ее дама, не дав назвать точный адрес. – Александра вчера вечером срочно уехала и просила меня передать вам ключи от квартиры. Вот. – Дама пошарила рукой где-то справа от двери и спустя секунду протянула Оксане связку ключей.

– Как же так? Куда она уехала? – растерялась Оксана, принимая ключи. – Надолго?

– Не имею представления, – жеманно ответила соседка и заметила: – А вы с ней очень похожи, почти одно лицо.

– Да, – кивнула Оксана, думая о своем. – Только прически разные, – Оксана невольно подняла руку и пригладила пушистую белокурую копну вьющихся мелкими завитушками волос.

– И прически тоже одинаковые. Александра недавно под-

стриглась и покрасилась в блондинку. Точно как вы.

«Ясно, сестрица готовила какой-то сюрприз, – покачала головой Оксана. – Не исключено, что этот дурацкий отъезд – часть ее очередного розыгрыша». У Сашки с детства было своеобразное чувство юмора. Оксана поблагодарила соседку и пошла открывать дверь.

Сашина квартира оказалась маленькой, без балкона, но все же отдельной. Оксане такая роскошь и не снилась. Из спальных мест в квартире имелись тахта и диван. Никаких записок с объяснением происходящего Оксане обнаружить не удалось.

– И что все это значит, скажите на милость? – задала она вслух риторический вопрос, размышляя о том, как быть дальше. – Ну, раз ключи мне выдали, могу располагаться, – заключила Оксана после минутного молчания и, швырнув сумку на диван, закружилась в счастливом танце по квартире. Она в Петербурге, она сама себе хозяйка, в ее распоряжении целая квартира, а до беглых дезертирок-сестер ей и дела нет!

На Сашку Оксана решила не обижаться, а весело и легко провести отпуск. Та всегда была легкомысленной эгоисткой, спасибо, хоть ключи оставила, уезжая. А что до компании, так Оксана девушка энергичная, общительная, симпатичная и запросто сама себе компанию найдет. Достаточно будет познакомиться с каким-нибудь симпатичным молодым челове-

ком и закрутить с ним легкий короткий роман, яркий, как вспышка звезды на ночном небе. Главное, чтобы этот молодой человек маньяком не оказался.

И Оксана приступила к отдыху. Распаковав вещи, в тот же вечер она отправилась гулять по Невскому, на следующий день отправилась в Петродворец, а на следующий – в Эрмитаж. Сашка так и не объявлялась. Оксана неоднократно пыталась до нее дозвониться и даже письмо по электронке отправила и «ВКонтакте» написала. Та как сквозь землю провалилась. Ну и фиг с ней.

Исходя из характера сестры можно было предположить, что у Сашки случился скоропалительный бурный роман, и эта безответственная особа умчалась с НИМ на «край света», например в Париж, и пока это временное «помрачение рассудка» не закончится, ждать вестей от блудной сестры бесполезно. Наверняка, оставив ключи у соседки, она сочла, что сделала все необходимое для того, чтобы пребывание Оксаны в Петербурге было максимально приятным. «Эгоистка! И всегда такой была», – заключила Оксана, вспоминая опыт их прошлого детского общения.

Сашин эгоизм проявлялся даже в мелочах. Купят им родители пирожные. Пока Оксана руки моет или переодевается, Сашка прибежит на кухню и все слопает в одиночку, а потом руками разводит и слезы льет: «Ой, я нечаянно, сама не заметила как». И все этой лисе с рук сходило, а Оксане за то, что Сашке заслуженно врежет разок, еще и доставалось.

Один только Оксанин папа видел эту хитрюгу насквозь и потихоньку от всех уводил Оксану в кондитерскую и кормил пирожными. Или, сказав, что они посидят на лавочке в парке, отводил Оксану в сторонку и катал на каруселях, на которые ее не пускали: у Сашеньки страшное головокружение начиналось от одной близости к аттракциону, поэтому всем надо было срочно идти или на качели, или на машинки. «А между прочим, – злорадно вспомнила Оксана, – Сашку и во дворе не особенно любили, даже Сашкиным подругам я всегда нравилась больше, и мальчишки всегда ко мне перебежали, а Сашка бесилась и подличала».

Как оказалось, воспоминания о детской дружбе с двоюродной сестрой частично стерлись из Оксаниной памяти, когда она собирала чемоданы для поездки в Петербург, сохранив яркими лишь светлые и приятные моменты, а жаль. Могла бы поехать в Турцию.

Припомнив все прошлые обиды и некоторые особенности характера Александры, Оксана решила, что даже в случае возвращения сестрицы вряд ли стоит рассчитывать на какое-то внимание с ее стороны, а потому – есть Сашка или нет, для нее, Оксаны, никакого значения не имеет.

Поскольку Оксана мечтала о легком красивом романе, картины старых мастеров из собрания Эрмитажа и красоты архитектуры во время прогулки по городу занимали ее ничуть не больше, чем окружающие люди. Именно поэтому она, наверное, и заметила высокого шатена, который вот уже

трижды за день попался ей на пути. «Неужели я так ему приглянулась, что он специально меня преследует?» – задалась Оксана вопросом, остановившись возле витрины на Большой Конюшенной улице и пытаясь разглядеть своего предполагаемого поклонника в текущей мимо толпе. А заодно проверяя, все ли благополучно с ее внешним видом после трехчасовой прогулки по Эрмитажу и еще двух часов блуждания по городу.

Увы! Поклонника видно не было. А ведь она совершенно определенно видела его возле касс в Эрмитаже, в зале Рембрандта, на набережной Мойки, когда обернулась проводить взглядом кораблик, везущий целую свадьбу, и потом, когда зашла в кондитерскую выпить холодный коктейль, тоже его видела. На Оксанин взгляд, кафе было самым подходящим местом, чтобы завести с ней знакомство, но то ли молодой человек попался слишком застенчивый, то ли у нее фантазия разыгралась.

Глава 2

Домой Оксана вернулась около восьми, уставшая, но довольная, открыла дверь, повесила на вешалку сумку, скинула балетки и прошла в комнату. И тут же выскочила назад в прихожую с диким испуганным воплем. Вся комната была перевернута вверх дном. Шкафы распахнуты, ящики комода выдвинуты, все выпотрошено, та же картина была и в кухне. Их обокрали! Воры вынесли все Сашкино добро! Ужас!

Оксана бросилась к телефону, потом вдруг спохватилась, что, возможно, в Петербурге полицию вызывают по другому номеру, нежели в Новосибирске, и рванула к дверям звать на помощь соседей. Но потом снова затормозила. А что она скажет полиции, кто она такая? Живет в чужой квартире, хозяйка куда-то пропала, дядю Витю с тетей Ирой не найти, еще и на пятнадцать суток посадят до выяснения личности. Сидеть пятнадцать дней отпуска в камере ей совсем не хотелось. К тому же, даже если полиция и поверит, что она ни при чем, Сашка потом повесит на нее пропажу и того, что было, и того, чего не было. Наврет с три короба, придумает какие-нибудь бриллиантовые серьги за сто тысяч или еще что-нибудь такое, заставит за свой счет возмещать убытки, потому как, если бы Оксана тщательно запирала двери, ничего бы не случилось. И Оксана, естественно, тут же почувствует себя виноватой, будет, как дура, плясать под Сашки-

ну дудку. Сестрица на такие фортели вполне способна. Это с одной стороны, а с другой: какова вероятность, что полиция найдет вора и вернет похищенное? Вопрос был сугубо риторический и ответа не требовал. А хорошо все же, что Оксана успела вспомнить все Сашкины закидоны, а не то бы попала, как кур в ошип. Нет, уж лучше она сама как-нибудь со всем разберется, без привлечения органов, так это дешевле обойдется.

Оксана закрыла, наконец, рот, перестала вопить и вернулась в комнату. Но тут раздался звонок в дверь, а высокий гортанный голос соседки стал тревожно взывать из-за двери, требуя немедленно отворить. Оксана окончательно взяла себя в руки, быстренько огляделась, захлопнула двери в кухню и в комнату и пошла открывать.

– Здравствуйте, – спокойно проговорила она, представляя перед настороженной соседкой.

– Добрый день. – Едва сдерживая любопытство и тревогу, та пыталась заглянуть в квартиру вверх Оксаниного плеча. – Извольте немедленно объяснить, что это были за вопли?

– Ой, простите, ради бога! Я сегодня так устала, пока по Эрмитажу гуляла, голодная вернулась... – начала витиеватое объяснение Оксана, пытаясь на ходу сообразить, что бы такое правдоподобное выдумать.

– Это от усталости вы подняли такой вой? – строго свела суровые брови соседка.

– Нет, конечно! Это я макароны вариться поставила, пошла их сливать, от усталости руки дрогнули, и я едва себе на ноги целую кастрюлю кипятка не вывернула! Представляет-те?

Соседка подозрительно посмотрела на Оксанины босые ноги, не имевшие ни малейших признаков ожога.

– Еле-еле успела из тапок выскочить! – тут же поделилась Оксана следующей подробностью инцидента. – Теперь всю кухню придется отмывать и тапки выбрасывать.

Лицо соседки смягчилось:

– Вы все же будьте повнимательнее в следующий раз и старайтесь держать эмоции при себе. Ваша сестра, например, никогда не уважала покой окружающих, и мне неоднократно приходилось проводить с ней воспитательные беседы.

– Простите, пожалуйста, я больше так не буду, – тут же поспешила проявить добрую волю Оксана, чтобы ее, не дай бог, не заподозрили в неуважении.

– А я, между прочим, заслуженный деятель искусств, педагог с многолетним стажем, у меня сейчас заслуженный отпуск, я отдыхать должна, – с достоинством продолжила соседка, поправляя кружевной воротник летней нежно-бирюзовой блузки. – У меня голос.

– Вы певица? – с искренним интересом спросила Оксана.

– Я солистка оперного театра, хотя сейчас, конечно, уже на пенсии, – благожелательно пояснила дама. – Меня, кстати, Анна Михайловна зовут.

– Очень приятно, Оксана, – кивнула Оксана.

– Я помню, – по-королевски величественно кивнула Анна Михайловна и удалилась к себе.

– Ну вот, пришло время оценить, наконец, нанесенный ущерб, – утирая со лба пот и запирая за соседкой дверь, пробубнила себе под нос Оксана.

Она снова вернулась в комнату и, встав на пороге, принялась осматривать результаты погрома. Странно, самое очевидное, на что должен был покушаться воришка – телик и ноутбук, – было на месте. Оксана приободрилась и принялась, собирая попутно вещи, внимательно осматривать комнату. Все шкафы были распахнуты, кровати перевернуты, ящики выпотрошены, несколько картинок, украшавших Сашкину комнату, сорваны со стен, шкатулки с хранившимися в них драгоценностями валялись на полу раскрытые, «сокровища» сестрицы были тут же.

Вот облегчение! У них ничего не пропало! Счастье, что она милицию не стала вызывать! После внимательного осмотра квартиры Оксана пришла к несложному выводу. Кто-то очень вредный или злой на Сашку искал какую-то свою вещь и из мелкой мести перевернул вверх дном всю квартиру. Скорее всего, это был бывший Сашкин хахаль, которого она бросила и у которого, по всей видимости, остались ключи от квартиры. Учитывая характер сестрицы и ее безобразную манеру обращаться с людьми, а также уровень разрушений, парень был дико зол.

А может, это от него Сашка свинтила в срочном порядке? А может, она сбежала с другим, а этот узнал и в ярости пришел громить квартиру?

Любая из версий могла быть истинной. Вопрос был в другом: а что, если в следующий раз он решит поджечь квартиру? Или будет и дальше ее громить всякий раз, когда его обида за горло возьмет?

Выход был один. Надо менять замки. Хотя бы один, чтобы спать спокойно. Оксана тяжело вздохнула. И зачем только она поехала к Сашке? Сидела бы сейчас в Турции на лежаке возле отеля, морем любовалась. Оксана тоскливо огляделась по сторонам: уборки в квартире было часа на три, не меньше, весь пол в кухне был усыпан крупой и макаронами, чаем и кофе, залит кетчупом и горчицей, сверху – вытряхнутые из банки остатки маринованных огурчиков. «Вот варвар, чем ему огурцы не угодили?» – сердито поджала губы Оксана, разглядывая осколки стекла, увязнувшие в этом «натюрморте». А она так сегодня устала, и есть хочется, и спать!

На следующий день Оксана никуда не поехала. С утра она отыскала по Интернету мастера, чтобы вставил новый замок, потом ходила в магазин за замком и в супермаркет за продуктами (после визита неизвестного мстителя в доме не осталось ни крошки съестного), а потом ждала мастера и от скуки варила борщ. Сколько непредвиденных расходов, охала Оксана, отсчитывая мастеру две с половиной тысячи за работу. И это – не считая замка! Если отдых и дальше будет

складываться так же плодотворно, придется ей переходить на голодный паек, вместо музеев смотреть дома телек, а вместо парков прогуливаться по окрестностям.

День и ночь прошли спокойно, никто к Оксане не ломился, и на следующий день она решила рискнуть и выбраться в Пушкин. День был солнечный, но не жаркий, и Оксана не без удовольствия прогулялась по городу и парку, посетила оба дворца, лицей, вдоволь настоялась в очередях, съела в сомнительном кафе хот-дог за совершенно немислимые деньги и, наконец, устроившись на берегу большого гладкого, как зеркало, пруда, задремала на солнцепеке. Ноги у нее гудели, спину ломило, голова была переполнена впечатлениями. Немного отдохнув и придя в себя, Оксана принялась от нечего делать рассматривать гуляющих по парку, прикрывшись от публики солнцезащитными очками. Сегодня она совершенно не помышляла ни о каких знакомствах, а потому чуть не подпрыгнула на лавочке, увидев неподалеку того самого шатена!

Барышне стоило немало труда удержаться от глупой, самодовольной улыбки. Вот так встреча. Похоже, он тоже турист и осматривает пригороды. И, кажется, совершенно одинок в своих путешествиях. Так же, как и она. Оксана подтянулась, распрямила спину и как можно небрежнее проверила золотистую копну кудрей на голове, а дождавшись, когда ее заслонит стайка иностранных пенсионеров, вытащила из сумки расческу и быстренько причесалась, заодно успела

взглянуть в зеркало и освежить помаду. Некоторые из интуристов были весьма пожилыми, так что она все успела. Покончив с экспресс-подготовкой, Оксана небрежно поднялась со скамейки и легким, грациозным, хотя и неторопливым шагом двинулась на штурм шатена.

Шатен был очень даже ничего, теперь она могла не торопясь его разглядеть. Высокий и стройный и даже более симпатичный, чем она рассчитывала, а еще широкоплечий, и одет прилично, но не вызывающе. На вид ему было лет двадцать семь, может, больше. С таким кавалером не стыдно появиться в клубе. Поравнявшись с ним, Оксана небрежно перекинула сумку на другое плечо, и, поскольку в это время по дорожке проходила супружеская пара, ей пришлось немного отклониться в сторону шатена, она задела его сумкой и едва не потеряла равновесие. К счастью, шатен оказался не промах и успел поддержать ее.

– Ой, извините! – робко проговорила любительница классических приемов, приподнимая солнечные очки, дабы дать шатену возможность оценить размер и форму своих прекрасных серо-голубых глаз очень редкого оттенка – с синей каемочкой по краю радужки. – Я не сильно задела вас сумкой? – проговорила вопросительно Оксана, помогая шатену перейти в наступление.

Но шатен никуда переходить явно не собирался, разве что на противоположную сторону пруда. Поскольку, бросив короткое «нет», тут же решительно двинулся прочь, хотя до

этого совершенно беззаботно минут десять топтался у пруда под ивой.

– Простите, а мы с вами раньше нигде не встречались? – преградила ему дорогу Оксана, не желая отказываться от уже намеченных планов на вечер и на шатена. – Мне кажется, я видела вас на днях в Эрмитаже. Вы ведь тоже гость Петербурга, я угадала? – Перед такой атакой не устоял бы ни один среднестатистический мало-мальски интеллигентный мужчина, не имеющий в непосредственной близости жены или невесты. А шатен не имел. И все же, сухо бросив короткое «нет», он обошел Оксану и двинулся прочь неторопливым, но решительным шагом.

Вот уже полчаса Илья стоял в тени раскидистой ивы и смотрел, как белобрысая девица нежится на солнышке. Ноги его гудели, сам он вспотел, хотел есть и пить. Когда он соглашался на эту работу, и представить себе не мог, что слежка за какой-то пигалицей обернется для него настоящей каторгой. А он-то, дурак, думал, что по-легкому бабки неплохие срубит. «Надо бы у начальства надбавочку потребовать за сверхурочные», – пытаюсь незаметно размять ноющую поясницу, раздраженно думал Илья. Эта белобрысая селедка целыми днями шныряла по музеям, стояла на жаре в очередях, носилась по городу и при этом пользовалась исключительно общественным транспортом, в том числе метро. Так что слежка на машине исключалась. И Илье приходи-

лось толкаться в автобусах и трамваях вместе с этой неутомимой кобылой. «И где она столько энергии берет?» – злился Илья, наблюдая, как девица, усевшись на скамейку и вытянув ноги, беззаботно вертит головой по сторонам. Самому ему пришлось стоять. Потому как все окрестные скамейки были плотно заняты женщинами, детьми и пенсионерами.

Тут с беспокойной девицей как раз поравнялась многочисленная группа японских долгожителей с фотоаппаратами на шеях, совершенно скрыв объект наблюдения из поля его зрения. Илье пришлось все время подпрыгивать, чтобы убедиться, что девица все еще на месте. К счастью, она никуда не делась, но зато, едва японцы скрылись из виду, а Илья устало привалился к дереву, белобрысая бодро поднялась и двинулась по дорожке вертлявой, подпрыгивающей походкой. Илья тут же отвернулся, устремив рассеянный взгляд на пруд и следя краем глаза, когда можно будет двинуть за ней следом. Но стоило ему слегка повернуть голову, чтобы проследить за объектом, как он тут же получил сумкой по морде, а потом эта безмозглая коза навалилась на него всей тушей. Ему только и оставалось, что подхватить ее, иначе она бы башку свою кудрявую расшибла. Сделал он это чисто автоматически, тут же своего поступка испугался и собирался по-быстрому сделать ноги, но не успел, потому как девица вцепилась в него мертвой хваткой.

– Ой, извините! Я не сильно задела вас сумкой? – вцепившись в его руку, верещала кудрявая, заглядывая ему в глаза.

– Нет, – бросил Илья и попытался вырваться. Куда там!

– А мы с вами нигде не встречались? – загородила ему путь к отступлению белобрысая, снимая очки.

В принципе она была симпатичная, и возможно, если бы она пристала к нему просто на улице, он не отказался бы от знакомства, но за последние четыре дня безостановочной беготни по городу он успел так ее возненавидеть, что готов был убить, если бы начальство разрешило. Но начальство дало совершенно четкие указания: следить, не привлекая внимания. И что теперь делать? Белобрысая продолжала что-то верещать, но Илья, не слушая ее болтовни, смог наконец-то вырваться и, бросив резкое «нет» на ее очередной вопрос, помчался прочь что было духу.

– Семеныч, – придушенным голосом торопливо говорил в трубку Илья, спрятавшись за колоннами круглого павильона на другой стороне пруда и глядя на удаляющуюся в сторону ворот белобрысую девицу. – Что мне делать? Она меня засекла. Нет, не вычислила, а пристала, как банный лист, подцепить меня решила, понравился я ей, – бубнил Илья, перебегая от павильона к живой изгороди. – Говорит, в Эрмитаже видела и еще где-то, – оправдывался он перед невидимым собеседником. – Я старался. Но я же не шпион какой, может, случайно и засветился. Что делать-то теперь? Может, мне отвалить?

Получив твердый приказ объект из виду не терять, не приближаться и сообщать обо всех ее передвижениях, Илья зло

выругался и поспешил вслед за скрывшейся из виду девицей. Звали белобрысую, кажется, Сашей.

Оксана едва удержалась от желания бросить вслед дезертиру хлесткое «нахал», да побоялась опозориться перед другими возможными претендентами.

Ситуация была не рядовая. Оксана была оскорблена в лучших чувствах. Она не уродина, не толстуха, она хорошо одета, имеет приятные манеры, а значит, поведению шатена должно быть простое и логичное объяснение. Например, он голубой. Или он болен СПИДом. Или его на днях бросила невеста, сбежав прямо из-под венца с другим. Поэтому он вполне естественно ненавидит весь женский род, и в Петербург приехал один, а должен был приехать с женой в свадебное путешествие. Последнее объяснение Оксане особенно понравилось, ибо не было тривиальным, в нем чувствовался полет фантазии и некое изящество, а Оксана с детства питала слабость к сочинительству. Учитывая ее частое и витиеватое вранье, многие родственники в детстве даже прочили ей журналистскую карьеру. Увы, не сложилось.

Занятая мыслями о странностях собственной судьбы и о трагедии, выпавшей на долю шатена, Оксана больше не глазела по сторонам и никаких знакомств не искала, а преспокойно дошла до электрички и без всяких приключений доехала до города, а там и до дома. Устало передвигая ноги, она вошла в подъезд и вызвала лифт, возлагая вполне обоснованно

ванные надежды на новый замок. Ей страшно хотелось принять душ и завалиться на ставший уже родным диванчик, а если Сашкин хахаль снова попытается испортить ей вечерний отдых, она за себя не ручается. Додумать эту грозную мысль она не успела, потому как подъехал лифт. Оксана вошла в кабину, а вслед за ней в кабину ввалился здоровенный детина и, нажав на кнопку верхнего этажа, тут же зажал ей рот ладонью.

– Насилуют! – мычала изо всех сил Оксана.

– Заткнись, – прошипел ей в ухо здоровяк и нажал на кнопку «Стоп». – Не будешь рыпаться – останешься целой.

«Ничего себе – целой», – молча возмутилась Оксана, видя, как тип достает свободной рукой из кармана здоровенный ножик. С таким тесаком можно запросто на медведя идти, а не на медсестру, она покрылась испариной и затихла. Пока тип пыхтел, шаря по ней ручищами, ее так и подмывало спросить, не страдает ли он какими-нибудь болезнями, чтобы сразу наметить курс лечения. Кстати, вот тебе и еще одна статья расхода: анализы, лечение – наверняка он заражен. Оксану передернуло от отвращения.

– Я что велел, стой, не двигайся! – снова зашипел ей в ухо насильник.

Странно, время шло, а самое страшное все не происходило. Тип, прижав девушку к стенке лифта, неторопливо и методично ощупывал каждый миллиметр ее тела, залезая под мышки и в прочие, более интимные зоны. Оксана стояла не

дыша, борясь с ужасом и отвращением, каждое его прикосновение было настолько омерзительно, что ей стоило огромного труда не заорать пронзительно и не начать вырываться вопреки здравой логике и инстинкту самосохранения. Оксана всегда считала себя сильной личностью, не склонной к истерии и панике, но сейчас она готова была отречься от прежних привычек, поддаться панике и закатить истерику. Она из последних сил заставляла себя молча терпеть это унижение и мечтала лишь о том, чтобы все уже скорее закончилось. А эта сволочь продолжал неторопливо и обстоятельно облапывать ее с ног до головы, даже в прическе порылся, натуральный маньяк! А потом выпустил ее, вырвал из рук сумку и принялся в ней копать, в заключение вытряхнул все содержимое на грязный, заплесанный пол, разорвал подкладку, выругался, нажал на кнопку ближайшего этажа и был таков.

Глава 3

Оксана сидела на корточках в лифте и тряслась так, словно в подъезде был тридцатиградусный мороз. Зубы ее отбивали бойкую дробь, а руки совершенно не слушались. «Отходняк», – констатировала Оксана той крохотной частью сознания, которая смогла сохранить крупницы здравомыслия.

– Девушка, вы что тут расселись? Там люди лифта дожидаться не могут, а она сидит! – раздался над головой Оксаны возмущенный визгливый возглас.

Оксана подняла голову, чтобы что-то ответить, но вместо этого сама зашлась громким пронзительным воем.

– Господи! – сменился тон невидимой собеседницы. – Случилось что? Ой, батюшки! Да на вас напали! Да? Тот бугай здоровенный, который из подъезда выскочил? Да?

Оксана молча кивала невидимой за пеленой слез собеседнице.

– Что же ты тут сидишь? Вставай давай. – Оксана почувствовала, как чья-то теплая, мягкая рука подхватила ее под локоть и потянула вверх. – Сейчас вещички твои соберем, – приговаривала незнакомая тетка, прислонив Оксану к стенке возле лифта. – Пойдем.

Оксану снова подхватили под локоть и потащили куда-то. Лязгнул замок, распахнулась дверь квартиры.

– Семка! Сумки с лестницы забери! – крикнула кому-то

добрая женщина, заводя Оксану в квартиру.

– А кто это? – услышала Оксана сквозь собственный рев детский звонкий голос.

– Не твое дело, сумки забери, – велела ему тетка, а Оксана, наконец, смогла краем футболки утереть зарезанное лицо и осмотреться.

Стояла она в небольшой, заставленной вещами прихожей.

– Ну что, как ты? – тут же наклонилась к ней полная симпатичная женщина, очень похожая на повариху из их школьной столовой.

Оксана, сглотив еще не до конца выплаканные слезы, кивнула.

– Вот и ладно. Иди в ванную, умойся, я чайник поставлю, а потом расскажешь, что случилось, и будем думать, как дальше быть, – велела ей хозяйка, подталкивая к нужной двери.

В это время в квартиру вернулся мальчик лет десяти с двумя огромными пакетами, из которых торчали перья зеленого лука, палка «Докторской» колбасы, багет, пачка соли и еще какая-то снедь. Оксана кивнула мальчику и, распахнув узкую белую дверь, ведущую в ванную, отправилась умываться.

– Мам, а кто это? А что с ней? – слышала Оксана сквозь шум воды звонкий Семин голос.

– Отстань, не твое дело. Иди в компьютер поиграй, – посоветовала ему мать строгим, сердитым голосом.

– А кто это? А чего она ревет? – не успокаивался любопытный Сема.

– Я ваша соседка, меня Оксана зовут, – входя в кухню, ответила ему уже слегка успокоившаяся девушка.

– А меня Сема. Ты чего ревела?

– Проходи, не обращай на этого нахаленка внимания, – распорядилась хозяйка квартиры. – Меня, кстати, Оля зовут. А ты иди, играй, пока я не передумала или брат домой не вернулся, – кивнула она любопытному Семе.

– Он раньше одиннадцати не вернется. Они с Катькой в кино ушли.

– Ну и марш к себе, нечего во взрослые дела нос совать! – Оля подхватила сына под мышки и выставила за дверь, а дверь захлопнула. – Все, садись. Рассказывай, а я чай налью. Тебе черный, зеленый?

– Черный.

– Давай, выкладывай! Он просто ограбить хотел или еще что? – Оля замерла с чайником и пытливо уставилась на Оксану.

– Нет, только ножом грозил и всю облапал, а потом сумку выпотрошил, – снова всхлипнула Оксана, чувствуя, что обсуждать подробности случившегося еще не готова.

– Ну и слава тебе господи! – перекрестилась Оля. – Фиг с ним, с этим барахлом, главное, сама цела.

– Угу, – кивнула Оксана. – Только испугалась ужасно. Даже сама не ожидала, что так испугаюсь.

– Еще бы! Такой ужас! Я же его видела, он по лестнице вниз скакал, когда я с сумками наверх перлась. Здоровый такой, и морда зверская. Надо бы в полицию сообщить.

– Да. А только что они сделают? А вдруг еще на меня все свалят? – неуверенно проговорила Оксана.

– И то правда, – ставя на стол чашки, сахарницу и вазу с печеньем, проговорила Оля. – У меня у приятельницы машину взломали и сумку оттуда вытащили, она в полицию заявила, так только по допросам набегалась.

– Вот! А он вряд ли еще раз сюда вернется, раз вы его видели, – отпивая чай, ответила Оксана.

– Ладно. Не ходи, – задумчиво подперев пухлые щечки, согласилась Оля. – А ты точно его не знаешь, парня этого?

– Нет, конечно, – в ужасе от такого дикого предположения, помотала головой Оксана. – Я вообще четыре дня назад в Петербург приехала, у сестры двоюродной гощу.

– Да? Просто странный какой-то тип, он у тебя даже кошелек не спер. Я его вместе с остальным барахлом подняла и в сумку засунула, – удивленно размышляла Оля. – Ты иди-ка проверь, может, что другое пропало?

Озадаченная Оксана сбегала в прихожую и осмотрела содержимое сумки. Все было на месте. Даже ключи.

– Ну и ладно. Не бери в голову. Сейчас каких только психов нет, одним смотреть нравится, другим трогать, третьим еще что-нибудь, и все на свободе бегают. Никто их теперь не ловит, – философски заключила Оля. – Ты на каком этаже

живешь? Пойдем, провожу.

Когда они добрались до Сашкиной квартиры и Оксана все еще трясущимися руками пыталась отыскать в сумке ключи, соседняя дверь распахнулась, и на пороге «совершенно случайно» возникла Анна Михайловна.

Окинув быстрым оценивающим взглядом обеих женщин, Анна Михайловна решительно захлопнула дверь своей квартиры и всплеснула руками.

– Господи! Оксана, что с вами? У вас какая-то личная драма? На вас лица нет!

– Спасибо, со мной все в порядке, – стараясь поскорее отыскать ключи, буркнула Оксана, не испытывая ни малейшего желания обсуждать с кем бы то ни было свое недавнее «приключение».

– На нее только что маньяк в лифте напал, – не разделяя Оксаниной позиции, поделилась Оля.

– Боже мой, какой ужас! – схватилась за сердце Анна Михайловна. – Надо немедленно полицию вызывать и неотложку! – И она решительно двинулась к своей двери.

– Не надо ничего! – истерично, в совершенно не свойственной ей манере воскликнула Оксана. – Я цела, ничего не пропало.

– Он ее только облапал всю и сумку перетряхнул, но ничего не взял, – поспешила успокоить не в меру деятельную пенсионерку Ольга, уже сожалея о своей болтливости.

– Какая разница! Это же маньяк! – не желала сдаваться

Анна Михайловна.

– Да кому до этого какое дело? – с мудростью столетнего долгожителя спросила Ольга.

– Но как же? – не могла смириться с таким равнодушием пенсионерка.

– А так, – твердо сказала Оксана, отпирая наконец-то свою дверь.

– И все-таки, вам сейчас нельзя одной оставаться, – заключила, сдаваясь, Анна Михайловна. – Я с вами побуду. Ах да, у меня валерьянка есть и корвалол! Сейчас захвачу и вернусь.

– Водки бы лучше, – буркнула ей вслед Ольга, Анна Михайловна ее, кажется, расслышала, потому принесла с собой фирменную коричневую бутылку «Рижского бальзама».

Когда обе соседки, прикончив остатки бальзама и всесторонне обсудив происшествие, наконец-то ушли, Оксана закрыла дверь на железную задвижку, приняла душ, выстирала и зашила сумку, перемыла всю мелочовку, которая вывалилась из сумки на пол лифта, завернулась в огромный Сашкин махровый халат, уселась на диване и задумалась.

Оксана была девушкой отнюдь не глупой, и хотя в университет пока не поступила, но это не от отсутствия ума, а от отсутствия денег. На оплату коммерческого отделения денег не было, а поступление на бюджетное стоит еще дороже. Вот и ограничилась Оксана пока медицинским колледжем. Но это временно!

А то, что у Оксаны есть маленькие странности типа природной склонности к безобидному вранью, так и у великих людей бывали свои тараканы. Великий полководец Суворов, например, любил покукарекать, для бодрости, наверное, а Сара Бернар спала в гробу, а Мао Цзэдун не чистил зубы, а Уинстон Черчилль до старости играл в солдатиков и никогда не спал на одном и том же постельном белье дольше чем полночи. Иван Грозный каждое утро и вечер звонил в колокола на звоннице Александровской слободы, стресс снимал. Джордж Вашингтон выращивал для красоты марихуану, а Бальзак снимал шляпу, когда говорил о себе самом, а... Да сколько можно «а», уже достаточно ясно, что Оксана Берестова не трепетала перед признанными авторитетами, но была и сама не промах. И вот теперь, заперев дверь, задвинув занавески, закутавшись в халат, она устроилась на диване лицом к прихожей и задумалась о происходящем.

Сначала надо было припомнить все, что случилось с момента ее прибытия в город на Неве.

Первое: сбежала Сашка. Второе: ее квартиру обыскивали. Да, Оксана теперь была совершенно уверена, что это был обыск. Третье: обыскали саму Оксану. И четвертое: кажется, за ней следили. Теперь Оксана была почти уверена, что встречи со странным шатеном были не случайны.

Ну и дела, похоже, эта авантюристка Александра вляпалась в какую-то неприятную историю, и теперь надо срочно выяснить, куда она сбежала и почему! Надо срочно ее разыс-

кать! Прячется небось, хитрюга, у подруги, а Оксана в ее квартире как на пороховой бочке сидит.

И Оксана взялась за дело. Она достала свой планшет и зашла во «ВКонтакте». Вычислить ближайших Сашкиных друг оказалось не так сложно, да и коллег по работе тоже. А работала Сашка медсестрой в больнице. Выбор профессии в Сашином случае был обусловлен простым подражанием ей, Оксане. Когда после окончания школы перед Сашкиными родителями встал вопрос, что делать с дочерью, которая ничего не желает делать, они не придумали ничего лучше, чем послать ее по стопам двоюродной сестры, которая всю жизнь мечтала о карьере медика. Таким образом решился вопрос с Сашкиной карьерой.

После утомительной многочасовой переписки, которая заняла добрую половину ночи (хорошо, что Сашкины знакомые любили засиживаться online допоздна), стало совершенно ясно: никто не имеет ни малейшего понятия, куда подевалась Александра. Ближайшие подруги даже не догадывались ни о ее отъезде, ни об исчезновении, а на работе полагали, что Сашка слегла с инфекцией. Накануне Оксаниного приезда она позвонила старшей сестре и предупредила, что тяжело заболела, лежит с температурой сорок, раньше чем через две недели на работе точно не появится. Ее подруги с работы Катя и Полина пытались дозвониться до Саши, но номер был, разумеется, отключен. За последние пять часов Оксана и сама пыталась до нее дозвониться, но все было без-

результатно.

Зато все подружки как одна утверждали, что никакого романа сейчас у Сашки нет, уже два месяца она находится в свободном поиске, после того как последний поклонник подло ее обманул и женился на другой. Из этого следовало, что ревнивый мститель как версия объяснения происходящего отпадает. Оставалась работа. Но и Катя, и Полина дружно утверждали, что никаких неприятностей у Сашки на работе не было, и вообще они придерживались мнения, что подружке просто надоело работать и она, со свойственной ей предприимчивостью, свалила на море, а на работе наврала. Потому как период отпусков был в разгаре и отпускать ее с работы никто не собирался, и без того рук не хватало.

«Похоже, коллеги Сашку хорошо знают», – отметила про себя Оксана, читая гневную тираду Кати о том, что, пока некоторые на море прохлаждаются, она вынуждена за двоих пахать. Оксане оставалось им только посочувствовать.

Да, через подруг сестрицу не отыскать, да и версия с морем звучит весьма правдоподобно. Если Сашке надо было где-то спрятаться, почему не сделать это с комфортом? Купила горящий тур, и адье! А если прибавить к перечисленному рассказ соседки о том, что Александра незадолго до отъезда перекрасилась в блондинку и сделала стрижку, как у Оксаны, то можно предположить, что следили не за Оксаной, а за Сашкой. То есть ее принимали за сбежавшую сестру. И, кажется, эта аферистка специально ее подставила!

Воистину, подлость человеческая безгранична! Оксана почувствовала, как у нее заныло сердце. Все-таки одно дело детские обиды, а другое – игра чужой жизнью. Как она могла? Оксана сидела несчастная и подавленная, ей ничего не хотелось, только уехать поскорее домой и больше никогда не общаться с родственниками, ни при каких обстоятельствах.

Глава 4

Вывел Оксану из этих размышлений звонок в дверь. Она сразу же встряхнулась и, запахнув поплотнее халат, на цыпочках подкралась к двери и заглянула в глазок. По счастью, это была всего лишь соседка Анна Михайловна.

– Простите за позднее вторжение, – любезно проговорила дама. – Но я выходила на балкон подышать вечерним воздухом и увидела, что у вас горит свет. – Оксана недоуменно кивнула, пытаясь сообразить, что на этот раз могло вызвать соседское недовольство. – А у меня, знаете ли, бессонница, вот я и подумала, не пригласить ли мне вас на чашечку чая, посидим, пополуночичаем? Но если вы уже ложились... – тактично добавила Анна Михайловна, бросая взгляд в квартиру.

– Нет, нет. То есть да, я... – Тут Оксана с удивлением поняла, что не прочь попить чаю с соседкой, чтобы хоть немного развеять накотившуюся на нее депрессию.

Маленький чайный столик в комнате был уже накрыт, угощение было скромным, зато беседа увлекательной. Анна Михайловна, проявив поразительную чуткость, ни словом не обмолвилась о дневном происшествии, напротив, обретя в лице Оксаны благодарного слушателя, с удовольствием делилась воспоминаниями о своей творческой жизни. Сперва Оксана лишь рассеянно кивала головой, радуясь, что от нее

не требуют активного участия в разговоре, но Анна Михайловна, как натура артистическая, оказалась прекрасным рассказчиком, а ее истории были полны юмора и эмоционально наполнены, и Оксана не заметила, как увлеклась и, забыв о собственных невзгодах, с интересом слушала театральные байки. Поскольку некоторые из историй вряд ли могли иметь место в реальной жизни.

– И тут представьте себе, у меня пропадает голос! – всплеснув руками, продолжала очередную историю Анна Михайловна. – Может, нервный спазм от волнения? Все-таки театральные фестивали, чужая сцена. Оркестр играет, что делать? Так я, представляете, чтобы окончательно не опозориться, целых пятнадцать минут фламенко танцевала, ну или что-то очень на него похожее! Овации были такие! Мне стоя аплодировали!

– Вы так хорошо танцуете? – искренне восхитилась Оксана.

– Что вы, просто от страха так зажгла, что сама удивилась, да еще и молодость! – махнула рукой Анна Михайловна. – А вот когда мы премьеру одной советской оперы давали в Театре оперы и балета в Улан-Удэ, как раз какой-то юбилей советской власти был, в зале весь партер партийными работниками заполнен...

– А как спектакль назывался? – уточнила Оксана, чтобы лучше представить себе происходящее.

– Да я уж и сама толком не помню, мы и исполняли-то его

раза три, не больше, что-то героическое из колхозной жизни. Полная чуждость! – страдальчески закатила глаза Анна Михайловна. – Так вот, начинается второй акт, жуткое напряжение, то ли белые на пороге, то ли махновцы, надо срочно документы спасать, а может, овец, не помню, но только на сцене нас всего двое, я и Павлик Семенюк. В зале тишина гробовая, начальство в темноте тарашится. Паше надо первому вступать, потом оркестр, а у него глаза бешеные, ну, думаю, все ясно, партию забыл. И ведь не подсказешь никак, в такой-то тишине. И вот, когда сердитое покашливание из правительственной ложи раздалось, Пашка с перепугу как запоет арию Трубадура из «Трубадура» Верди. Этакое любовное послание среди накала классовой борьбы. Я чуть в обморок от ужаса не упала. А он ничего, поет и глаза закатывает.

Но беда была в том, что в зале, помимо начальства, молодые деятели искусств на галерке сидели, и слышу я, как оттуда совершенно неприличные смешки раздаваться начали. Я от первого шока уже оправилась, пора, думаю, ситуацию спасать, пока начальство не очнулось. А у Павлика полный ступор: глаза застывшие, но рот открывает исправно и останавливаться не собирается. Он тогда как раз присвоения звания «Заслуженный артист» ждал, так вот за такие фокусы его навсегда лишиться можно было, тем более что в кулисах уже наш партторг в полуобморочном состоянии всю семафорил, чтобы Пашку со сцены убрали. Оркестр молчит, дирижер не может решить, что делать – Павлику подыгрывать

или что положено исполнять, потому как автор в зале.

– И что же вы? – с замиранием сердца спросила Оксана, представив себе этот публичный конфуз.

– Вскинула я руку и во всю мощь, чтобы Павлика заглушить, как запою «Не время, товарищ, враг на пороге!», дирижер тоже опомнился и, уже не дожидаясь злосчастного Павлика, заиграл его партию, тот очнулся, и ситуацию кое-как вытянули. Правда, Павлик после этого спектакля в больницу с сердечным приступом загремел, от страха. Но «заслуженного» ему все же дали.

Оксана с улыбкой покачала головой.

– Ой, что-то мы с вами совсем засиделись, – подавляя зевок, проговорила довольная, благодушно настроенная Анна Михайловна, поглядывая на часы. – Пора по кроваткам, баиньки.

Оксана взглянула на часы, они показывали начало третьего – ничего себе, посидели. Распроставшись с Анной Михайловной, Оксана отправилась к себе.

Каким-то странным образом настроение после общения с пожилой певицей у Оксаны совершенно переменялось. Возможно, так на нее подействовали оптимизм и привычка не сдаваться, которые неизменно демонстрировала Анна Михайловна в самые сложные моменты своей жизни. Оксане расхотелось бежать домой поджав хвост, а захотелось разобраться в происходящем. Конечно, Сашка поступила подло, но, возможно, ситуация не так уж и ужасна, как Оксана се-

бе напридумывала. А с другой стороны, что, если сестра попала в беду и ей нужна помощь? В конце концов, охотятся они именно за Сашей, и вполне возможно, ей надо было выиграть время, может, она ни в чем не виновата? Чтобы это понять, Оксана должна сесть, успокоиться и все хорошенько обдумать, а потом уже решать – помогать сестре или нет.

Что же та наделала? И что теперь делать Оксане? Вот два главных вопроса, на которые надо найти ответы!

Оксана прошла в кухню, сварила себе крепкий кофе и впервые в жизни пожалела, что не курит: хотелось успокоить чем-нибудь звенящие от напряжения нервы.

Итак, начнем сначала. Сашка что-то натворила, перекрасилась, сбежала из дома, прервала все связи и затаилась. Ее квартиру обыскивали, за ней, то есть за Оксаной, следили и даже обыскивали в лифте. Вспомнив все подробности последних событий, особенно обыск в лифте, Оксана почувствовала, как ее бросило в жар, и скинула халат, а потом пробежалась по квартире, чтобы снять напряжение. «Во что же эта мерзавка вляпалась и во что втравила меня?» – снова рассердилась Оксана. Поразмыслив, она пришла к выводу, что Сашка, скорее всего, что-то украла, спрятала и требует за это выкуп. А иначе почему не возвращается и прячется? Причина, по которой Оксана все еще жива и ее не пытали, проста: Сашка наверняка припугнула своих жертв (хотя жертва скорее она, Оксана). Она заявила им, что где-то есть запись, или копия документа, или еще какие-то опасные ма-

териалы, и что, как только с ней случится неприятность, или она не перезвонит, или еще чего-то не сделает, компромат будет направлен в прокуратуру, в полицию, в Госдуму, на ТВ и так далее. Отсюда и мягкость методов воздействия. Но это пока. Пока у них терпение не лопнуло. В конце концов они придут к выводу, что Сашку проще грохнуть, а потом, не торопясь, искать компромат. А поскольку за Сашку они принимают ее, Оксану, то и грохнут именно ее.

«Ой, мамочки!» Оксана почувствовала ужасающую сухость в горле и снова отправилась в кухню, где осушила половину чайника. Прямо из носика. Потом проверила задвижку на входной двери, уселась на табуретку и продолжила размышления.

Где и что Сашка могла спереть? Наверное, где угодно? Впрочем, нет. На оборонных предприятиях она не бывает, со спецслужбами не сотрудничает, это уж точно. Подружки ее – такие же легкомысленные безобидные вертихвостки, как и Сашка. Значит, скорее всего, сперла на работе. Работает Сашка в дорогой частной клинике. Оксана немного взбодрилась. Вроде бы пока все логично. Что секретного можно украсть из клиники? Результаты чьих-то анализов? Вполне вероятно. Некоторые анализы, принадлежащие лицу публичному, могут вызвать скандал.

«Что может быть еще?» – решила не останавливаться на единственной версии Оксана. Сашка могла подслушать, а еще вернее – записать на телефон чей-то важный разговор

или визит любовницы в отдельную палату. Обнародование таких фактов чревато большими скандалами. Клиника, в которой работает Александра, элитная, пациенты там лечатся непростые, она сама Оксане хвасталась, значит, оба варианта возможны. Есть еще четвертый, наименее приятный вариант: кто-то в больнице занимается торговлей наркотиками, и Сашка каким-то боком в это влезла. В последнем случае Оксана ей не помощник. А в других?

За окном незаметно растаяла короткая июньская ночь, а Оксана все сидела и размышляла, что ей делать. Уехать домой? А где гарантия, что неизвестные не решат использовать Оксану и ее семью как рычаг давления на Сашку? Той на них, конечно, наплевать, но злоумышленникам-то об этом неизвестно. И где гарантия, что ей вообще удастся уехать?

Но, с другой стороны, что она вообще может поделать в такой ситуации? Написать заявление в полицию? О чем? Что кто-то три дня назад обыскивал квартиру? Никто эти бредни и слушать не станет. Рассказать о нападении в лифте? Конечно, у нее есть свидетель, Оля, но и тут дело выглядит весьма сомнительным: ни телесных повреждений, ни кражи, на что именно она может пожаловаться? Да ее даже слушать не будут. Оксана устало покачала головой, глаза ее слипались, голова была абсолютно пуста, серые извилины давно уже дремали, и сколько ни пыталась Оксана их тормошить, никакого отклика из черепной коробки не доносилось. Утешив себя проверенной веками мудростью о том, что «утро

вечера мудренее», она отправилась спать и уснула, едва коснувшись головой подушки, а когда проснулась, в голове ее имелся стройный, победоносный план, разумный и безопасный. Наверное.

Из дома в этот день Оксана не выходила. Только на часик выскользнула из квартиры, но подъезда не покидала, а сидела целый день в Интернете, собирая нужную информацию. А потом написала Сашке длинное, полное чувств и мыслей, письмо, упаковала чемодан и уселась до вечера перед телевизором. В двенадцать вечера выключила свет и улеглась под одеяло, а уже в пять утра подпрыгнула от звонка будильника, быстренько натянула приготовленные с вечера джинсы и куртку, подхватила чемодан и бесшумно выскользнула из квартиры.

Втащить тяжеленный чемодан на чердак по хлипкой вертикальной железной лесенке дело нелегкое, но Оксана была девушкой предусмотрительной и сообразительной, а потому еще днем сплела из Сашкиных капроновых колготок веревку, привязала ее к чемодану и, поднявшись на чердак налегке, втянула следом чемодан, закрыла люк, перекрестилась. Вроде все обошлось, погони не было. По чердаку беглянка добралась до крайнего подъезда, слезла с чердака и просидела на подоконнике за лифтом до девяти утра, потом тихонько выскользнула из подъезда и, прикрываясь густыми зарослями кустов возле дома, свернула за угол, добежала до ближайшей остановки общественного транспорта и се-

ла в первую попавшуюся маршрутку, которая как раз ждала пассажиров. Сделав не менее пяти пересадок и окончательно убедившись, что хвоста нет, Оксана добралась, наконец, до метро и приступила к исполнению второй, не менее сложной и опасной части плана.

Глава 5

Аглая Викентьевна Лунина возвышалась в проеме распакнутой входной двери, величественная и недостижимая в своем неприступном великолепии, как императрица Екатерина II на посольском приеме.

Строгое коричневое платье, украшенное белым воротником из плетеных кружев, шло Аглае Викентьевне ничуть не меньше, чем парча и бриллианты великой императрице, седые, коротко стриженные в форме каре волосы, жесткие, с крупными завитками, обрамляли открытое решительное лицо с несколько крупными для женщины чертами, главным достоинством которого были яркие, полные огня и жизни серо-голубые глаза.

Аглае Викентьевне было уже за семьдесят, но спину она держала прямо, голос ее был чистым и звучным, а манеры столь же властны, как и сорок лет назад.

Проживала Аглая Викентьевна одна в огромной трехкомнатной квартире в центре города, была профессором истории и большую часть жизни посвятила изучению революционного наследия своего великого предка, декабриста Михаила Сергеевича Лунина.

Жила Аглая Викентьевна одна, навещала ее только домработница Нина, такая же пожилая, как сама Аглая Викентьевна, женщина, проработавшая у нее почти четверть века.

При этом Аглая Викентьевна не была одинока, у нее имелись две дочери – Ирина и Татьяна, и две внучки, уже совершенно взрослые самостоятельные девицы. Но и с дочерьями, и с внучками она виделась не часто, как правило, раз в год, в день рождения Михаила Сергеевича, чей светлый героический образ освещал жизнь и придавал смысл существованию Аглаи Викентьевны.

Впрочем, и эта традиция за последние годы почти умерла. Одна из дочерей Аглаи Викентьевны давно уже жила в другом городе, а зять и вторая внучка не испытывали к своему великому родственнику должного почтения и давно уже не были у Аглаи Викентьевны желанными гостями. Оставалась дочь. Но и с этим единственным близким ей человеком у Аглаи Викентьевны отношения были холодными и лишеными всякого доверия.

Когда-то давно, когда муж Аглаи Викентьевны еще жил с ними, они были обычной счастливой семьей, но уже тогда увлечение Аглаи Викентьевны своим знаменитым предком превышало простой научный интерес. Семья Луниных на протяжении многих поколений хранила память о доблестном декабристе и гордилась своими корнями, но в ее лице знаменитый предок, кажется, обрел наиболее страстного и преданного поклонника, если не сказать фаната.

Еще будучи школьницей, она с гордостью несла свою фамилию, всей жизнью доказывая, что достойна этой чести. Она была принципиальной, пылкой, решительной пионер-

кой, комсомолкой и строительницей светлого будущего, ради которого декабрист Лунин вышел на Сенатскую площадь и отправился на каторгу. Сама она ни в каких актах социальной борьбы замечена не была, но зато много ратовала, агитировала, призывала, в основном на примере своего великого предка. Редкий государственный праздник в школе Аглаи Луниной обходился без ее традиционного доклада о восстании декабристов. В университете Аглая была не менее активна, решительна и принципиальна, чем вызывала неизменное уважение студентов и педагогов. Хотя и здесь никаких особых дел за ней не числилось. Она не ездила на БАМ, не поднимала целину, не возводила в тайге новые города, но образ знаменитого предка незримо стоял за ее плечами. Аглая закончила аспирантуру и продолжила научную деятельность. Еще в университете она вышла замуж за своего однокурсника, Володю Карпова, юношу заурядного, из ничем не примечательной семьи, но оценившего выпавшую ему честь и с радостью согласившегося после свадьбы сменить свою фамилию на фамилию жены. Володя по окончании вуза выдающейся карьеры не сделал, а отправился преподавать историю в самую обычную школу. После нескольких лет ожидания у супругов одна за другой родились две дочери. Аглая Викентьевна, целиком посвятившая себя изучению великого наследия революционного предка, не могла заниматься детьми, а потому Владимир Терентьевич стал дочерям и отцом и матерью. Они с девочками даже слово такое придума-

ли «мапа». Он водил их в сад, в ясли, в школу, на кружки и секции, читал им книжки, варил каши, гулял, учил уроки, был для них всем. А потом папу прогнали. Когда девочкам исполнилось двенадцать и одиннадцать лет соответственно, Аглая Викентьевна вдруг разглядела, что живет с человеком мелким, безразличным, не одухотворенным никакой идеей, с мещанином, который растит ее детей и оказывает на них тлетворное влияние. И она развелась, вычеркнув Владимира Терентьевича из своей жизни и жизни своих дочерей со свойственной ей решительностью, запретив все контакты. Дети разлуку с отцом перенесли тяжело, практически возненавидели мать, которая отлучила их от единственного родного, любящего человека. Аглая Викентьевна отмахнулась от их детского горя, как от пустого каприза избалованных, испорченных барышень, и отдала в интернат для одаренных детей. Владимир Терентьевич разлуку перенес еще тяжелее, у него началась серьезная сердечная болезнь, и он умер раньше, чем дочери, достигнув совершеннолетия, смогли сами распорядиться своей судьбой и переехать к нему, о чем мечтали все годы разлуки.

Едва окончив школу, девочки поступили в вузы, собрали свои вещи и навсегда покинули родительский дом, предпочтя проживание в съемной крохотной комнатке в коммунальной квартире, учебу на вечернем отделении и работу проживанию под одной крышей с черствой, жестокосердной, совершенно чужой им женщиной. Аглая Викентьевна их по-

ступок расценила иначе – как проявление зрелых, самостоятельных личностей, не боящихся трудностей и готовящихся к нелегкой классово-й борьбе, и рассказывала коллегам о поступке дочерей с гордостью.

Если старшая, Ира, более мягкая и похожая на отца, со временем смогла простить мать и даже поддерживала с ней некое подобие родственных отношений, то младшая, Таня, характером пошла в мать. Хотя, конечно же, и на нее оказал влияние добрый, полный любви, лишенный честолюбия отец. Она все же исполнила свою детскую клятву и поквиталась с Аглаей Викентьевной, нанеся ей удар болезненный и ощутимый.

Таня была умной, талантливой и очень волевой девочкой и, решив еще будучи подростком отомстить за отца, принялась неторопливо и целеустремленно искать болевую точку в, казалось бы, непроницаемой броне своей матери. Ведь та ранила отца в самое сердце, пусть получит то же.

Она быстро нашла решение. Самым главным в жизни матери был их великий предок, отними у нее декабриста Лунина – что останется? ПУСТОТА!

Когда Таня в возрасте шестнадцати лет осознала сей факт, дальнейшая ее задача стала ясна и предельно понятна. Она поступила на исторический факультет и бросила все свои силы, время и настойчивость на доказательство единственного факта: они не являются родственниками декабриста. У Михаила Лунина не было детей, и все ныне живущие наслед-

ники являются потомками его ближайших родственников. Так вот, проявив завидную настойчивость и невероятные, нечеловеческие дотошность и предприимчивость, Таня провела глубокое исследование, более похожее на криминальное, нежели научное, и в своей кандидатской диссертации как дважды два доказала, что ни она лично, ни ее семья не являются потомками великого декабриста. Надо отметить, что на Таниной защите в президиуме на почетном месте сидела гордая Аглая Викентьевна, даже не подозревавшая, какой аспект жизни великого предка избрала для диссертации ее дочь, а лишь исполненная гордости от того, что благодаря ее трудам и усилиям дети выросли достойными членами общества и продолжателями дела великого предка.

И вот, когда основной вывод работы был озвучен, в зале повисла мертвая звенящая тишина. Ира, присутствовавшая на защите сестры и тоже заранее ни о чем не догадывавшаяся, увидев, как побледнело и напряглось лицо матери, побоялась, что та немедленно если не застрелит, то уж точно задушит отступницу. Но этого не произошло. Все в той же звенящей тишине Аглая Викентьевна со скрежетом отодвинула стул, молча тяжелой, чеканной поступью подошла к дочери и, отвесив ей наотмашь гулкую, как колокольный набат, пощечину, бросила сквозь зубы: «Диссидентка» – и вышла из аудитории, хлопнув дверью.

После ее ухода в зале поднялся невообразимый шум. В Таню летели громкие обличительные фразы, и сколько ни ста-

рался ее научный руководитель, сколько ни призывал коллег ценить научную истину, не поддаваясь влиянию авторитетов, сколько ни убеждал их в талантливости и глубине работы, Танина защита так и не состоялась. Научный и партийный вес ее матери был слишком велик, и никто из членов ученого совета, кроме ее научного руководителя, обладавшего не меньшими регалиями, более высокими научными званиями и мировой известностью, а также находясь в весьма преклонном возрасте, не отважился поддержать молодого ученого и высказаться в его защиту.

Но Таня на это и не рассчитывала. Цель ее работы была иной, и именно этой цели Таня в полной мере не достигла. Аглая Викентьевна не была раздавлена или сломлена, ощутив что-то вроде удара под дых, она просто отмахнулась от фактов и доказательств, не дав себе даже труда вдуматься в них. Она осталась глуха к ним, как гранитная скала, и так же нестибаема.

Вскоре после защиты Таня вышла замуж за талантливого молодого физика, с которым познакомилась во время своих изыскательских поездок по Сибири, и уехала в Новосибирск. После свадьбы она сменила фамилию, устроилась на работу в местный университет и сделала блестящую карьеру. Тема ее научных работ ничего общего с движением декабристов не имела. Никаких отношений с матерью она, естественно, не поддерживала.

Но спустя несколько лет, когда у Тани с Сашей родилась

дочь, Танин муж, считая, что его теща, с которой сам он никогда лично знаком не был, пожилая и одинокая женщина, имеет право знать о появлении на свет внучки и что такое событие вполне может примирить мать и дочь, написал ей письмо, приложив к письму фото маленькой Оксаны.

Ответа он не дождался. Но с тех пор взял за правило посылать теще поздравительные открытки ко дню рождения и на Новый год, вкладывая в конверт фото любимой дочери.

А однажды, когда они в очередной раз всей семьей приехали в отпуск в Ленинград, Саша потихоньку от жены, на свой страх и риск отвез дочку в гости к Аглае Викентьевне. Вопреки здравому смыслу она не спустила их с лестницы, а пустила в квартиру. Аглая Викентьевна и сама не могла потом объяснить, что руководило ее порывом. Но с тех пор Оксана стала раз в год бывать у бабушки, хотя никогда не называла ее в глаза иначе как по имени-отчеству, и вообще плохо понимала, что это за бабушка такая? Бабушка у нее была Нюра, добрая, родная, теплая, самая-самая хорошая. А когда Оксана подросла, она стала сама подписывать бабушке открытки, на которые никогда не получала ответа. Единственным подарком, который она получила от ленинградской бабушки, была толстая монография о жизни какого-то декабриста Лунина, папа эту книжку у Оксаны забрал и куда-то спрятал, обещав отдать, когда она вырастет. Оксане было все равно, такие скучные вещи, как монографии, ее не интересовали.

Когда Оксане исполнилось восемнадцать, мама пригласила ее в свою комнату, посадила перед собой и рассказала историю своей семьи. Оксане было до слез жалко маму, тетю Иру и дедушку. К этому времени они уже перестали ездить в Петербург, и Оксана порадовалась тому, что больше никогда не увидит свою вторую бабушку. Она перестала ей писать и вообще вычеркнула из своей жизни.

И вот теперь, по прошествии пяти лет, Оксана стояла на пороге бабушкиной квартиры. Ей было страшно, она хорошо помнила и свои прежние визиты сюда, и рассказ мамы об их с тетей Ирой детстве, но выхода у Оксаны не было. Если она хочет выяснить, что случилось с Сашкой, ей нужна бабка Аглая.

– Здравствуйте, Аглая Викентьевна, я ваша внучка Оксана, – четко, почти по-военному, поздоровалась Оксана, решив, что такая манера будет наиболее приятна старухе.

Аглая Викентьевна продолжала молча стоять в дверях, вероятно, сраженная неожиданностью происходящего и не имеющая сил решить, как правильнее будет поступить в данной ситуации. Наконец, как и много лет назад, она отступила в квартиру, давая Оксане войти.

Оксана тихонько выдохнула. Первый рубеж был взят.

Оксана сидела в просторной гостиной, на старом массивном диване, который если и не помнил самого декабриста Лунина, то уж отмену крепостного права застал наверняка. Аглая Викентьевна сидела за столом и, нахмутив густые се-

дые брови, слушала Оксанин рассказ о событиях, которые привели к ней внучку.

– Что ты хочешь от меня? – сухо спросила Аглая Викентьевна, когда Оксана закончила.

– Мне нужна временная прописка и пожить несколько дней, пока я не сниму жилье, – ответила Оксана, словно в омут прыгнула.

«Ну все, сейчас как даст пинка под зад!» – с замиранием сердца решила Оксана, глядя на вытянувшееся от такой наглости лицо бабки Аглаи.

Аглая Викентьевна была сражена. Сражена этим визитом. Сражена историей, которую ей рассказала Оксана, и той решительностью, с какой девушка была намерена разобраться в случившемся, помочь сестре. За долгие годы одиночества Аглая Викентьевна, хотя она бы никогда никому в этом не призналась, извела много горечи и разочарований. И к семидесяти годам познала простую истину: она никому не нужна, и декабрист Лунин никому не нужен, и идеалы его, а еще то, что, в отличие от предка, за свою долгую безупречную жизнь она, оказывается, никому никогда ничем не помогла. Не совершила ничего доброго и светлого, великого и значимого. Итогом ее жизни были несколько никому не нужных книжек да огромная, пустая, заросшая пылью квартира, в которой она и умрет в одиночестве. Ее даже найдут не сразу. Если Нинка, домработница, уволится или раньше загнет-ся, то квартира вообще может стать ее мавзолеем. Эти дикие,

пугающие мысли стали все чаще посещать Аглаю Викентьевну, особенно бывало страшно вечерами. Она часами сидела за большим овальным столом, покрытым скатертью, в ярком свете старой пятирожковой люстры, доставшейся ей еще от родителей, выпрямив спину и сложив перед собой руки, словно в президиуме, и, почти не мигая, смотрела в окно. От долгого сидения у нее начинались видения, сладостно-мучительные, пугающие и желанные одновременно. Стоящие вокруг стола стулья заполнялись размытыми фигурами ее дочерей, внучек и зятьев. Эти образы никогда не обретали четкости, кроме одного – ее мужа, ее бывшего мужа. Владимир Терентьевич, молодой, такой, каким она видела его за этим столом в последний раз, сидел напротив, глядя на нее добрыми, печальными глазами, и улыбался ей легкой, грустной улыбкой, словно спрашивая: «За что ты так, Аглая?» Так она сидела часами, не двигаясь, пока старые фамильные часы не начинали бить полночь. Ночью она спала, наглотавшись сновтворного, а ее день был занят привычной бумажной суетой, она писала лекции для жэковских пенсионеров и для жителей дома престарелых. Аглая Викентьевна давно уже поняла, что никому ее разглагольствования не интересны, и даже перестала этим возмущаться, утратила свой боевой пыл, но остановиться не могла, в этом был смысл ее жизни, эти лекции поддерживали ее существование, были стержнем, на котором еще держалась ее ветхая, захудалая жизнь. У Аглаи Викентьевны было отменное здоровье, большая пенсия, счет

на книжке и просторная приватизированная квартира и не было чего-то главного. Сейчас, глядя на собственную внучку, она поняла, чего у нее не было: людей, ради которых стоит жить, работать, жертвовать. Михаил Лунин пожертвовал своей жизнью ради общего блага, многие ее знакомые жили и трудились ради своих близких, детей и внуков, а ради чего трудилась она? Обществу от нее пользы не было, а близким – тем более. Уже две недели Аглая Викентьевна не выходила из дома, ни с кем, кроме Нины, не виделась и не разговаривала. Друзей у Аглаи Викентьевны никогда не было, а коллеги, которые еще были живы, давно уже о ней забыли, занятые своими семьями и друзьями. У нее не было никакого утешения, даже музыку она не любила. Никогда прежде Аглая Лунина не задумывалась о том, как страшны тиски одиночества. Страшнее пыток, страшнее позора, разочарования, боли, страшнее всего.

И вот сейчас она смотрела на внучку и боялась показать собственную слабость, разочарование в жизни, уронить себя в глазах этой девочки. А как бы было здорово, если бы внучка пожила у нее! Аглая Викентьевна почувствовала, как защипало глаза, и, испугавшись еще больше, строго, почти зло поджала губы.

Оксана молча наблюдала за мельчайшими проявлениями эмоций на лице старухи.

Вот, вроде смягчилась. Нет, только кажется. Что ж она так долго молчит? «Надо помочь старой ведьме принять пра-

вильное решение», – подумала Оксана, приступая к выполнению резервного плана. Она по-прежнему не переваривала бабушку Аглаю и не простила ее за маму и дедушку. Но ради Сашки (так объясняла себе свой поступок Оксана) она готова поступиться принципами и пойти на сделку с совестью, подлизавшись к бабушке.

– Аглая Викентьевна, вы не волнуйтесь, я все умею делать и в магазин могу сбегать! И стирать умею, и готовить, у меня даже специальная тетрадка с рецептами есть! – заговорила Оксана, ныряя в свою сумку. Никакая тетрадка там, естественно, не нашлась, зато «случайно» выпал на пол томик монографии, посвященной истории жизни и революционных подвигов декабриста Лунина, написанной А. В. Луниной, с портретом декабриста на обложке. Тот самый, который был подарен Оксане лет десять назад. Точнее, не совсем тот...

Сидя дома накануне побега, Оксана, будучи девушкой, как уже отмечалось, умной и предусмотрительной, всесторонне подготовилась к штурму бабушки Аглаи Викентьевны, прекрасно представляя, с кем придется иметь дело. Дабы закрепить себя на требуемых позициях, она решила прибегнуть к военной хитрости, а именно – отыскала в Интернете список букинистических магазинов города и планомерно прозванивала их, выясняя, имеется ли у них данный исторический труд, в каком состоянии находится, какого года выпуска и так далее; потом перешла к частным объявлениям и так

смогла отыскать два интересующих ее предложения. В конце концов, после длительных переговоров, она выбрала подходящий экземпляр, в меру зачитанный, но не ветхий, лишенный каких-либо штампов, но имеющий благородные пометки на полях, свидетельствующие о большом интересе к произведению владельца книги, и на следующий день, то бишь сегодня, по пути к старухе, заскочила и выкупила книгу.

Ранее с помощью Интернета Оксана детально изучила биографию декабриста, выучила наизусть основные даты и вехи его яркой героической жизни и даже кое-что законспектировала. Приобретя монографию, она тщательно изучила пометки в книге, которые помогли ей понять позицию автора в отношении собственного героя; впрочем, тут ничего оригинального, кроме бурных восторгов, она не почерпнула. И вот, обзаведясь главным козырем, Оксана отправилась на штурм.

Когда книга с тихим стуком выпала на пол, Аглая Викентьевна встрепенулась и взглянула на выпавший предмет.

– Что это? – спросила она, стараясь сохранить присущую голосу сухость и не разреветься. Внучка читала ее книгу! Аглая Викентьевна была растрогана, почти счастлива, готова впервые в жизни разрыдаться. Но гордыня по-прежнему властвовала в ее иссушенной душе, губя робкий росток теплой, живой человечности.

– Когда Михаил Сергеевич Лунин был вывезен в Акатувский рудник? – бросила она внучке вопрос, точно выстрел,

резкий, неожиданный, бессмысленный.

– В начале тысяча восемьсот сорок первого года, – пряча довольную улыбку за выражением легкого удивления, ответила Оксана.

Лицо старухи дрогнуло, и Оксана поняла, что остается.

Прошло уже три дня с тех пор, как Оксана поселилась у бабки. Жила она в спальне. Запыленной, оклеенной старыми бордовыми бумажными обоями комнате. Сама Аглая Викентьевна давно уже обитала в кабинете. Вещи Оксана не разбирала, держа под кроватью собранный чемодан, словно ожидала, что в любой момент от нее потребуют освободить жилплощадь. Бабка к ней не приставала, завтракали и ужинали они вместе, а обедала Оксана в городе. Еду готовила Аглая Викентьевна, продукты покупала Нина. Оксана неоднократно предлагала бабушке свою помощь и деньги за продукты, но каждый раз получала твердый и жесткий отказ.

Делами внучки бабушка не интересовалась, но иногда Оксана ловила на себе ее внимательный, изучающий взгляд. Но стоило Оксане взглянуть бабушке в глаза, как та тут же отворачивалась, и они продолжали свое почти безмолвное существование. За последние три дня Оксана успела преобразиться, сменив прическу и цвет волос, чтобы максимально ликвидировать внешнее сходство с беглой Александрой, временно прописалась в бабушкиной квартире, уволилась с работы в Новосибирске и затребовала оттуда свою трудовую книжку, которую уже завтра должны были переслать экс-

пресс-почтой родители. Она побывала в Сашкиной клинике и сумела устроиться туда на работу. Конечно, еще не окончательно, но, как только трудовая книжка придет, она тут же напишет заявление и приступит к работе. Медсестер в клинике не хватало, особенно летом, к тому же – такой высокой квалификации. А ожидаемая зарплата Оксану приятно удивила, в Новосибирске о такой она даже мечтать не могла. Еще она нашла себе место в одном общежитии. Общежитие принадлежало какому-то техническому вузу, и по идее ее туда селить не имели права. Но по чистой случайности Оксана разговорилась в клинике с одной санитаркой, когда ждала собеседования, и та ей рассказала, что ее сватья работает комендантом в общежитии и подхалтуривает – сдает приличным людям временно пустующие комнаты на очень выгодных условиях.

– Всего за десятку в месяц. А живешь, как в отдельной квартире, – агитировала санитарка. – Санузел один на две комнаты, тут же тебе и кухня, и холодильник. А что еще приезжему человеку надо?

– А кухня где? – не поняла Оксана. – Тоже в туалете?

– Ну что за бестолковый народ! – рассердилась бабулька. – В коридоре кухня. Плита и холодильник. А коридор этот всего на две комнаты. В одной ты будешь жить, в другой – еще две девки. Красота, да и только! О таких условиях, да за такие деньги только мечтать можно.

В принципе Оксане было все равно, главное, чтобы недо-

рого, надолго она в Петербурге все равно застревать не собиралась.

Бабушка известие об Оксанином переезде восприняла без ожидаемого энтузиазма. Она долго молчала, словно раздумывая над оценкой происходящего, но после длительной паузы лишь кивнула головой и велела оставить адрес и номер телефона. Оксана страшно удивилась, но адрес оставила.

Уезжая от бабушки, Оксана испытала немалое облегчение.

Часть 2

Вдова

Глава 1

Алиса сидела на широком белом диване в гостиной их нового уютного загородного дома и смотрела на зеленый, словно нарисованный краской, газон, раскинувшийся перед домом до самых ворот. Это пустое залитое солнцем пространство всегда ее раздражало. Ни деревца, ни кустика. Да и огромная, с уходящим куда-то под крышу куполом потолка гостиная с большими вытянутыми окнами и округлым эркером всегда напоминала ей рампу, и она сидела сейчас на обозрении людей, прячущих свои любопытные лица в безопасной темноте зрительного зала.

Да. Один зритель у нее, по крайней мере, имелся совершенно определенно. Алиса бросила холодный раздраженный взгляд в сторону ворот. Там, возле домика охраны, стоял на солнце Илья, в одних черных форменных штанах, с оголенным мускулистым торсом, и совершенно определенно, физически ощутимо бросал на Алису похотливые, призывные, оскорбительные в своей животной примитивности взгляды. Она знала – он не мог ее видеть, но словно ощущал

ее незримое присутствие и был уверен, что она непременно наблюдает за ним. Илья и раньше раздражал ее, она постоянно ловила на себе его сальные, на грани приличия, взгляды. Он никогда не переходил к действиям, но словно напоминал ей при каждой встрече, что «вот он я, здесь, развлечемся?». Очевидно, этот тупой, недалекий маргинал, глядя на хозяина дома, невысокого, округлого, с наметившейся лысиной, и его стройную, подтянутую молодую жену, сделал очевидный и примитивный вывод: богатая, пресыщенная сучка, выскочившая замуж за деньги, наверняка скучает и только и мечтает о том, чтобы ее кто-нибудь приласкал. Эти грязные мыслишки буквально высвечивались на его самодовольном лбу, и от этого Алисе становилось еще отвратительнее, она даже подумывала пожаловаться мужу и потребовать, чтобы Илью убрали с участка. В конце концов, их дом охраняли сотрудники безопасности их собственной компании – стоило только сказать. Но она почему-то медлила. Может, жалела этого молодого идиота? Да и что ей могло грозить при жизни Сережи? Но после смерти мужа Илья стал просто невыносим. «Этот примитив, этот безмозглый, дешевый самец вообразил, что может соблазнить меня, «утешить вдовушку» и этим обеспечить себе безбедную жизнь, став содержанцем, а возможно, он метит и дальше? В мужья?» – прищуриив серые, отливающие свинцом, как осенняя вода Невы, глаза, размышляла Алиса. Последние несколько недель присутствие Илья стало ее нервировать. По сути, Алиса остава-

лась одна в огромном доме, кухарку она уволила, уборщица приходила раз в два дня, а на воротах этого самого дома стоял он. «Пора от него избавиться», – решила Алиса, скорее бы вернулся Дубровин. Она позвонит и попросит сменить состав охраны.

Словно в ответ на ее тревожные мысли, по дому разлилась мелодичная трель звонка. Алиса взглянула в окно. Так и есть. Она поднялась и подошла к двери, нажала на кнопку переговорного устройства.

Илья Дубинин стоял на солнцепеке, подставив палящим лучам свой накачанный могучий торс. Загорал он уже полчаса, не меньше, и хотя само по себе занятие его не раздражало, но цель, ради которой он скинул рубашку и, оторвавшись от телевизора, выбрался к воротам, никак не становилась ближе.

Илья был уверен, что вдовушка давно уже на него пялится из-за занавески, потому как все они одинаковые, все только и думают, как бы затащить в койку мужика посмазливее, а еще лучше – в ЗАГС. Спят и видят штамп в паспорте. А у кого он уже есть, те мечтают о горячем любовнике в постели. Уж Илья-то это знал как никто другой.

С тех пор как он вернулся из армии, все девицы, с которыми он знакомился, тут же начинали вешаться на него гроздьями, лезли к нему в штаны и даже пару раз дрались из-за него, так что разнимать приходилось. Приятели над ним прикалывались, дразнили Казановой, но в душе завидовали,

потому что любая из их телок была готова переметнуться к Илье, только пальцем помани.

Конечно, вдовушка – птица не того полета, тут бутылкой пива и порнушкой по видуку не обойдешься, ну так и у него интерес серьезный. Ради такой цыпы можно и поломаться.

Илья уже давно положил глаз на хозяйскую жену, он, честно говоря, и в охрану дома попросился с дальним прицелом. Хотелось Илье красивой жизни, дорогих машин, поездок на море, посорить деньгами перед приятелями, но то, что самому ему таких бабок ни в жизнь не заработать, он уже понял. Образования у него нет, талантов особых – тоже. Когда он из армии вернулся, они с отцом долго думали, куда ему устроиться, и ничего, кроме работы охранником, не придумали. Работа непыльная, зарплата вполне приличная, а делать он все равно ничего не умеет. Отец еще перед армией пытался его к себе в автомастерскую устроить, но толку от Ильи не было никакого, только языком чесать да чужим бабам глазки строить. Так Илья в охранники и попал. Ему повезло, устроился он в большую престижную фирму, сидел в чистом светлом вестибюле, на ресепшнере, чистота, кондиционер работает, насосы с портфелями мимо шуршат, телик плазменный целый день смотри – не хочу. Все Илью устраивало, кроме денег. Смотрел он на офисных чистоплюев и завидовал. Вон ботан ползет в очках и галстук. Они таких в школе всегда чморили, а теперь что? У этого ботана тачка новая, часы дорожные, айфон навороченный, весь он такой

важный в дорогом костюме, а ты ему кланяйся и улыбайся. Где справедливость?

В общем, возможности свои ограниченные Илья быстро понял. На фоне дружков он вроде и в порядке, а если дальше посмотреть, то обсос он последний, и добавить тут нечего. Илья долго скрипел мозгами, ворочаясь ночью без сна на старом диване, пока не посетила его светлая мысль, что у каждого человека должен быть хоть какой-то талант. Один задачи из пяти действий в уме решает, другой движок машины с закрытыми глазами перебрать может, третий пиво хлещет как лошадь, и не берет его, как Вована из соседнего подъезда, а он, Илья, бабам нравится. А это тоже не абы что!

И дал Илья на следующий день объявление в газету «Из рук в руки», что, мол, молодой, красивый, здоровый мужик утешит одинокую и небедную дамочку и так далее, и, как последний дурак, ждал целую неделю звонков. Ждал, пока ему соседский пацан не объяснил, что через газету теперь только последние лохи объявы дают. Нормальные люди давно Интернетом пользуются.

Илья совету внял, залез в Интернет и приуныл. Подобных объявлений там была прорва, и даже с фотками. Да и мужики были не чета ему, образованные, со знанием языков, и танго они танцуют, и какую-то особенную йогу для секса знают, и эротический массаж, и хрена лысого. Выглядят все, как картинки из журнала. Посмотрел Илья на это и приуныл: выходит, и тут ему не пробиться, как же люди в жизни устраива-

ются?

Илья встряхнулся и, прищурившись на солнце, взглянул в сторону дома. «Затаилась, тварь», – зло подумал он, проверяя, не сгорели ли плечи. Хозяйка дома ему не нравилась, а точнее – страшно бесила. Когда он увидел ее впервые, подумал – какая-то мелкая сошка в офис торопится, но старший по смене вылетел вперед и, кланяясь этой мыши чуть не в пояс: «Алиса Игоревна, добрый день, добро пожаловать», – побежал лифт вызывать. Потом, конечно, объяснил Илье, кто такая. Вот тут у Ильи план и созрел. Сам хозяин был старше жены лет на двадцать, Илья в этом не очень разбирался. Толстый, лысый, с похожей на репу головой, а жена у него хоть и была вся из себя серьезная такая, губки бантиком, бровки хмурые, идет, никогда по сторонам не взглянет, и одевалась, как офисная мымра, но все же была молодой и потребности свои наверняка имела. А недотрогу строила или потому, что слишком хитрая, или трусиха. И то, и другое Илью вполне устраивало. А то, как она выглядела, так ему, признаться, что мышшь, что крыса, а после рюмки водки так и вообще все вокруг красавицы, особенно если голые. Он эту мышку так отогреет, что она последнюю шубу с себя снимет, лишь бы его удержать. При этой мысли Илья даже сейчас сально ухмыльнулся.

Но что-то у него не заладилось. Серая мышшь упорно его не замечала. При встречах воротила от него свой напудренный нос и делала вид, что в упор не видит, но все же он сво-

его добился. Она его заметила и теперь каждый раз заливалась краской, стоило ему впериться в нее своим фирменным взглядом. Дело было на мази, а тут еще Сурмилин купил себе загородный дом, и туда нужны были люди для охраны. Илья тут же вызвался. Но на этом дело и встало. Не сдвинулось оно с мертвой точки и после смерти хозяина.

Вот тут уж Илья вообще ничего не понимал. Эта идиотка заперлась в доме, уволила прислугу, и ни гугу. Нет. Так можно всю жизнь впустую потратить, а Леха вон себе уже «Хендай» в кредит взял. Мысль о том, что Леха пашет на двух работах, имеет золотые руки и халтурит по выходным, чтобы прокормить семью, в голову Илье не приходила. Илья бросил еще один быстрый злой взгляд на дом и, накинув рубашку, двинулся штурмовать вдову: пора этой фифе уже раскошелиться.

– Что вам надо, Илья? – строго, холодно поинтересовалась Алиса Игоревна, рассматривая искаженное экраном лицо охранника.

– Хотел узнать, не надо ли вам чего? – осклабился в ответ Илья. Вопрос прозвучал двусмысленно.

– Нет, – коротко бросила Алиса и выключила переговорное устройство. К счастью, она сразу же отвернулась и не увидела выражение жгучей ненависти на крупном, загорелом лице Ильи.

«А не уехать ли в город?» – подумалось Алисе, когда она

медленно, еле переставляя ноги, поднималась наверх по винтовой, идущей вокруг всей гостиной легкой ажурной лестнице. Можно пройтись по магазинам, пообедать, кому-нибудь позвонить.

Точно! Так она и сделает. Алиса вошла в свою спальню, осмотрела эту просторную, залитую светом, как и весь остальной дом, не успевшую стать ей родной комнату, потом завалилась на кровать, скрестила на груди руки и замерла в равнодушном оцепенении.

Пусто. Пусто в доме, пусто на душе, пусто в жизни. Алиса смотрела на бледно-голубое, подернутое легкими перистыми облаками небо. Если бы не несчастье, сейчас она бы осваивала серфинг в Австралии. Еще после свадьбы они с Сергеем договорились, что каждый следующий юбилей совместной жизни будут отмечать в новом месте. В этом году был черед Австралии.

Как же давно это было? Одиннадцать лет. Одиннадцать счастливых, наполненных событиями, впечатлениями и открытиями лет. Когда они поженились, Алисе было двадцать пять. Она была молодой, активной, по-детски уверенной в себе сотрудницей одной из его фирм. Алиса часто думала о том, какой случайной была их встреча и как бы сложилась ее жизнь, не женись на ней Сергей. Скучной, серой, обыденной. Как у всех ее подруг. Работа, заботы, семья, вечная нехватка денег, интриги сослуживцев, боязнь сокращения. Ужасно. Она жила иначе. Весело, ярко, интересно. С кем только

не знакомил ее муж, сколько интересных, талантливых людей было в их окружении. А путешествия? Не говоря уже о нарядах, драгоценностях и прочем. Но эта часть их жизни меньше всего трогала Алису. Она так и не заразилась этой болезнью. Не стала коллекционером барахла, всех этих тряпок, шляпок. Но вот о чем она действительно сейчас жалеет – это о ребенке. Почему Сергей никогда не настаивал на рождении наследника?

Алиса почувствовала, как у нее замерзли ноги. Пошарила рукой, захватила скользкий край шелкового вышитого покрывала и натянула на себя.

После свадьбы ей было так весело, так интересно, столько впечатлений, что о ребенке она даже не задумывалась. Потом было изучение языков, потом она увлеклась горными лыжами, дайвингом, потом училась водить яхту. Потом была светской львицей и только около года назад вдруг словно споткнулась на бегу и никак не могла восстановить шаг. Все ей надоело, все. Все ее раздражало, все потеряло смысл. И лишь случайно оказавшись в гостях у старой подруги, которая сидела в декрете с третьим по счету отпрыском, вдруг поняла, откуда эта тоска, и со свойственной ей целеустремленностью озаботилась проблемой деторождения.

Здоровые дети рождаются от здоровых родителей, и они с Сережей прошли полное обследование, после чего Алиса рьяно взялась за осуществление своей цели. Количество запасенных ею в ванной комнате тестов на беременность встрево-

жило даже привыкшего к проявлениям увлекающейся натуры жены Сергея. Но Алиса была непреклонна. Она была намерена зачать ребенка в кратчайшие сроки и буквально замучила мужа, так что он стал гораздо чаще сбегать в командировки. Но, несмотря на предпринятый ею демарш, долгожданная беременность все не наступала. Алиса нервничала, понимая, что желание завести ребенка превращается у нее в навязчивую идею, в манию, лишаящую ее реальных шансов забеременеть. И лишь теперь, после смерти Сергея, она поняла, что в ней говорил какой-то инстинкт, шестое чувство, дар предвидения, сверхчувствительная часть ее натуры предупреждала Алису: время на исходе. И вот она не успела. Она одна. Нет Сергея. Нет ребенка. Есть только деньги, эти ледяные хоромы и призрачная доля в бизнесе, которую она, скорее всего, потеряет. Алиса не строила иллюзий. Компаньоны покойного мужа найдут способ лишить ее законной части прибылей. Обанкротят фирмы, переоформят, возьмут у самих себя липовые кредиты. Да мало ли что может случиться в России! Конечно, есть Дубровин. Он самый преданный, самый надежный Сережин друг и к тому же крупный держатель акций, возможно, ему удастся отстоять ее интересы.

Ну а нет, так и нет. Алисе было все равно. Ей денег хватит. За этими вялыми размышлениями она уснула и проснулась уже вечером, когда, обойдя их нелепый, будто призрачный дом, низко висящее над горизонтом вечернее солнце освещает

тило ее спальню прямыми жаркими лучами.

Какой дурацкий, неуютный дом. Он сразу ей не понравился. Она даже чуть не заплакала, когда Сережа преподнес ей этот подарок на День святого Валентина. Привез ее сюда с закрытыми глазами, ввел в дом и с гордостью снял повязку. Вот, мол, любуйся. Дурак! Все мужчины дураки. Почему им не приходит в голову мысль, что любая женщина сама хочет создать свой дом, придумать его, обставить, а не въезжать в уродливое «нечто», построенное на продажу каким-то предприимчивым прорабом, не обладающим ни вкусом, ни фантазией.

Последний год они с Сергеем часто говорили о переезде за город, и Алисе всегда представлялся окруженный соснами или березами деревянный просторный дом, с видом на озеро или луг, а не на соседние каменные коробки за высоким глухим забором. Она хотела не спеша выбрать участок, а потом проект. Вообще-то, она точно знала, какой именно дом хочет. Алиса видела эту картинку еще в детстве в журнале «Америка», который выписывал ее отец. Это был большой деревянный дом, с огромными панорамными окнами в просторной гостиной на втором этаже, с рельефными потолочными балками в кухне, стоящий на холме посреди багряного осеннего леса. И вот вместо вымечтанного сказочного дома это уродливое, наполненное пронизывающим светом каменное чудище, стоящее на вытоптанной голой земле среди своих уродливых собратьев. Алиса плакала от разочарования, а

муж думал, что от радости, и страшно собой гордился. Она снова прикрыла ослепленные солнцем глаза и почувствовала, что хочет есть. Кое-как встала и поплелась вниз, в кухню. После смерти Сережи Алиса уволила всю прислугу. Зачем ей одной целый штат чужих людей, спующих без дела по дому? Теперь закупкой продуктов и готовкой занималась она сама. А потому, налив стакан холодного сока, она достала из холодильника йогурт, из шкафа – пачку печенья и без всякого аппетита все это съела. Холодно, невкусно, мерзко.

Алиса сидела на высоком стуле возле барной стойки и вспоминала их тихие семейные обеды и ужины, частые застолья в кругу друзей. Сережа любил гостей и умел их правильно подбирать. У него было много приятелей и знакомых, и он всегда собирал, комбинировал людей, которые были друг другу интересны, которым было легко и комфортно в обществе друг друга, перетасовывая людей, словно карты в колоде. А это тоже искусство. Алиса протяжно вздохнула.

Ну почему он умер? Как? Зачем? Она спрыгнула со стула и нервно прошлась по комнате. Выглянула в окно. Возле ворот сидел на скамейке тучный, черноволосый, похожий на цыгана Тарас. «Слава богу! Сменились», – с долей облегчения подумала Алиса. Три дня можно не волноваться, а еще лучше позвонить начальнику службы безопасности и решить, наконец, этот вопрос, не дожидаясь Дубровина.

Глава 2

– Алиса, зачем ты все время сидишь в этом доме? Никуда не выходишь, ни с кем не встречаешься. Что с тобой? Ты замкнулась там, как в склепе. Тебе он никогда не нравился, – настойчивым, сердитым голосом выговаривал Алисе озабоченный Виталий Леонидович Дубровин. Они сидели на открытой террасе загородного ресторана, куда ее почти насильно вытащил друг и компаньон бывшего мужа.

– Он мне и сейчас не нравится, – глядя на сверкающий под солнцем залив, ответила Алиса.

– Ну вот и хватит этого затворничества! Моя Татьяна через неделю едет на Лазурное побережье. Поезжайте вместе. Развеешься. Отвлечешься.

– Прости, Виталий. Не хочется, – кислым голосом ответила Алиса, мечтая поскорее закончить эту пустую, бессмысленную душеспасительную беседу.

– Ну, поезжайте в Монте-Карло, в Вегас, в... О! А не отправиться ли вам в круиз? Скажем, на Карибы или куда-нибудь в Аравийское море. Что-нибудь экзотическое. – От Дубровина исходил оптимизм.

– Виталий, я никуда не поеду. Мне хорошо здесь, – перекрыла поток бурной фантазии Алиса.

– Ладно, – уже другим тоном проговорил Виталий. – Давай начистоту. Ты – молодая здоровая баба, умная, обеспе-

ченая, красивая. К чему этот трагизм? Да, Сергей умер. Но тебе только тридцать. У тебя вся жизнь впереди. Заведи роман, влюбись, флиртуй, развлекайся. Да у тебя этих мужей еще знаешь сколько будет!

– Не знаю. И в любом случае я не из тюрьмы на свободу вырвалась, чтобы во все тяжкие пускаться. Сергея нет всего два месяца, дайте мне привыкнуть жить без него. Но если вдруг с тобой что-то случится, я обязательно передам Татьяне твой наказ – веселиться на всю катушку, – отчего-то зло бросила Алиса и, резко отодвинув стул, встала.

– Ну, что ты как ребенок, – вернул ее на место Виталий, снова меня манеру разговора. – Я просто хочу тебя поддержать. Я – грубый, лишенный фантазии мужлан, прости уж меня, идиота. – И он взглянул на нее просительным, обезоруживающим взглядом.

Поняв, что ее больше не будут воспитывать, Алиса подобрела и примирительно кивнула головой.

– Ну, вот и ладненько, – подвел черту Дубровин. – Давай есть. Я сегодня голодный, как медведь после спячки. С утра переговоры, встречи, звонки, еще и позавтракать не успел. Танька с Лазурным Берегом весь мозг вынесла, – делился Дубровин, набивая рот и без стеснения чавкая от удовольствия.

Алиса, глядя на него, тоже решила перекусить, и даже не без аппетита.

– А что там у тебя с охранником за история, мне Щукин

рассказал, когда я вернулся? – спросил Дубровин, закончив отчет о семейных передрягах. – Он что-то натворил?

– Да нет. Пока ничего. Просто вообразил себя таким ма-
чо, способным соблазнить безутешную вдовушку, – криво
усмехнулась Алиса, понимая, что этот разговор ей отчего-то
неприятен. Ее вообще последнее время все раздражало, на-
верное, нервы.

– Он приставал к тебе? – тут же нахмурился Виталий, и на
его большом открытом лбу залегли две грозные поперечные
складки.

– Нет, конечно. Так, заигрывал, – отмахнулась Алиса. –
Забудь! Все равно его уже уволили. Ты сейчас куда?

– В офис. Хочешь куда-нибудь заехать? Подвезти?

– Да. В городскую квартиру. Давно там не была, надо по-
смотреть, что дома творится.

Алиса вошла в пыльный, душный сумрак прихожей. Она
не была дома со дня похорон Сергея. Не смогла вернуться
сюда, не хватило духу. На полу в прихожей стояли его ботин-
ки, на кресле лежал небрежно скинутый пиджак. Он уезжал
в больницу в спешке. Он всегда спешил, а Таня, их домра-
ботница, как раз на три дня уезжала к сестре на дачу, у той
что-то случилось, то ли клещ укусил, то ли собака. И вещи
так и остались лежать в беспорядке. А через два дня Сережи
не стало, и Алиса запретила трогать его вещи, словно наде-
ялась, что время отмотается назад, он войдет в дом, наденет
этот брошенный на кресло пиджак, потрется носом о ее ще-

ку, чмокнет в лоб, пройдет торопливо в кабинет. Но ничего такого, естественно, не случилось. А случились похороны. Ее просили выбрать гроб, венки, еще что-то, Алиса никак не могла понять, почему они все к ней лезут, неужели нельзя оставить ее в покое?! Ей что-то объясняли, просили расписаться, торопили, она страшно злилась, пока Дубровин, наконец, не опомнился и не занялся этим вместе с Ниной, Сережиной сестрой. Потом были похороны, поминки, куча народа, много незнакомых людей, соболезнования, и вот, наконец, она смогла сбежать ото всех прочь, в «Лесное». Да, их голый, безжизненный коттеджный поселок издевательски назывался «Лесное». Алиса замкнулась в пустом холодном доме, отключив связь, не желая никого видеть и слышать, кроме разве что Дубровина. Но он вскоре уехал куда-то, то ли в Швейцарию, то ли в Австрию. И Алиса осталась совсем одна.

Она прошла по запыленной сумеречной квартире, раздвинула плотные шторы, распахнула окна, впустила в комнаты свет и воздух. Странное чувство, будто она находится в зазеркалье, посетила Алису. Здесь все пустое, мертвое, ненастоящее, а там, за зеркальной гранью, живут и дышат люди. Живет Сергей, гоняет по квартире Татьяну в поисках ключей, которые лежат у него в кармане, или очков, сидящих у него на носу. Там пахнет едой и уютом, там, за зеркальной гранью, Алиса в шелковом бледно-фиолетовом кимоно выходит, смеясь, в прихожую проводить своего растеряшу на

работу. Там счастье, жизнь, радость. А здесь пустота, холод, пыль запустения. За что, кто и почему отнял у нее все это? Так неожиданно, в одночасье. Она не успела ничего сообразить, подготовиться, да какая может быть подготовка? Они через две недели собирались в отпуск.

Просто в один прекрасный день Сергей сообщил ей вскользь, что у него камни в почках, он показывался специалисту, и врач сказал, что лучше прооперироваться, не дожидаясь обострения. Операция пустяковая. Через неделю он будет как новенький.

Алиса ужасно удивилась. Не так давно они проходили обследование, и ничего у мужа не обнаружили, но, оказывается, на камни его никто не проверял, а сейчас они его немного беспокоят. Это было возможно. Сергей никогда не жаловался на здоровье, особенно ей. Видимо, из-за разницы в возрасте не хотел казаться старым нытиком. В последнее время он страшно переживал, что стареет, становится ей скучен, она его ругала за эти глупости, но факт оставался фактом: если у него что-то болело, ей бы он жаловаться не стал. И вот эта операция в дорогой частной клинике, а потом дикое нелепое известие: Сергей умер под наркозом. Сказал ей об этом Дубровин. Она сидела в холле, листала журнал, ждала окончания операции, которая затянулась, а потом приехал Дубровин, и, сев рядом с ней, взял за руку и сказал, что Сергей умер. Алиса не понимала. Два часа назад они разговаривали в палате. Она проводила его на операцию, он весело ей

подмигнул, скрываясь в операционном блоке, послал попить кофе, и вот его нет.

Алиса тогда устроила безобразную истерику, рвалась к мужу, кричала, обзывала врачей убийцами, требовала вызвать полицию. Позвонить губернатору, еще куда-то, кажется, ей сделали укол, и она долго спала в одной из палат. А когда проснулась, рядом сидела Нина, Сережина сестра. Этот глубокий, бесчувственный, словно кома, сон разделил ее жизнь на две части: с Сережей и без него.

От этих воспоминаний стало тяжело дышать. Алиса поднялась, перешла в гостиную и позвонила домработнице Тане.

– Тань, приходи. Ты нас еще не бросила? Не нашла другую работу? – жалобно спросила Алиса. – Тогда приезжай. Я дома.

– Батюшки! Сколько же мы с вами не виделись? – с порога всплеснула руками Таня, крупная, с неторопливыми плавными жестами, красивая классической русской красотой женщина, на полтора десятка лет старше Алисы. – Два месяца? А такое чувство, что лет пять. Вы не обижайтесь, Алиса Игоревна, но это надо же так себя довести: худая, синяки на поллица. Бледная. Жуть! Не могли мне раньше позвонить? Я бы вам зачехнуть не позволила. – Таня уже разулась, достала из галошницы свои тапки и, пристроив в гардеробной сумку и шляпку из соломки, которую прошлым летом привезла ей из очередной поездки Алиса, прошла в комнату. – Ну, как

так можно? Взрослая женщина. Куда только ваши родители смотрят?

– Они отдыхать уехали. – Впервые за последние два месяца Алисе захотелось улыбнуться. Таня действовала на нее успокаивающе и даже бодряще. Была она какой-то теплой и уютной. К тому же Тане самой довелось похоронить мужа и остаться вдовой в тридцать с небольшим, только, в отличие от Алисы, у нее было двое детей и совершенно не было денег, кроме зарплаты медсестры, а на нее не очень-то разгуляешься и в одиночку. К счастью, Татьяна с ее легким характером и деятельной натурой еще три раза умудрилась побывать замужем. Со вторым мужем, милиционером, разошлась из-за его жесткой воспитательной манеры, которую он, ранее бездетный, принялся отрабатывать на Танином сыне, с третьим мужем, научным работником, они прожили без малого десять лет душа в душу, пока тот на старости лет не подался в сектанты. Таня пыталась вразумить его, сперва лаской и уговорами, потом скалкой и шваброй. Когда оба метода не сработали, развелась и быстренько выписала из квартиры, пока братья во Христе не отобрали у семейства квартиру.

Третий раз Таня вышла замуж два года назад за соседа-вдовца и переехала к нему, оставив свою квартиру замужней дочери с внуками и зятю. Брак получился во всех отношениях удачным, вдовец обрел в доме идеальную хозяйку и заботливую жену, дочь и зять могли в любой момент подкинуть детишек бабуле и веселиться в свое удовольствие, а Та-

тьяна – приглядывать за молодыми, не лишаясь собственной личной жизни.

Алиса иногда немножко завидовала легкости Таниного нрава и тому, как ловко все у нее в жизни получается. Сама Алиса была человеком живым, жизнерадостным, энергичным, но каким-то озабоченным, что страшно отравляло ее существование. Она постоянно придумывала себе цели, проблемы, ставила сложные задачи, например выучить за год французский. Для женщины, не обремененной детьми, работой и хозяйством, это обычное хобби. Но Алиса относилась к делу так, словно от ее успехов зависели жизнь и здоровье близких. И так во всем. Эта особенность характера наложила отпечаток и на ее внешность. У Алисы было серьезное, чуть угрюмое выражение лица, она любила строгие безупречные прически, простые элегантные костюмы и платья, держалась частенько с излишней чопорностью и от этого всего страдала ужасно. Ее искренне удивляло, почему, стоило ей появиться в какой-нибудь малознакомой компании, как беззаботное, беспечное веселье, царившее до ее появления, вдруг бесследно исчезало, появлялись скованность и натянутость. Алиса из-за этого страшно огорчалась, потому что в глубине души любила веселье, обожала пошутить, подурачиться, посмеяться вволю. Сережа всегда ее утешал, посмеивался над ней, называл в шутку «синим чулком» и «снежной королевой» и даже нанимал опытного психолога, который помог бы ей легче относиться к жизни. Не помогло. Расслабиться она

по-прежнему могла лишь в кругу близких, хорошо знакомых людей. Например, Татьяны.

– Сорок дней-то справляли? – спросила Таня, окидывая гостиную профессиональным, изучающим взглядом: сколько пыли, не раскиданы ли вещи?

– Были только самые близкие, – смущенно ответила Алиса, поняв, что не сообразила позвать Таню.

– Ясно. А где собирались? – ничуть не обиделась та.

– За городом.

– В мавзолее, что ли? – Таня видела их новый дом и тоже его невзлюбила. И даже в своей простой легкой манере поделилась своим мнением с покойным Сергеем.

– Да. Тяжело было сюда возвращаться, – вздохнула Алиса.

– Может, помянем вместе Сергея Аркадьевича? Прежде чем я за уборку возьмусь? – предложила Таня, уже направляясь в кухню.

– Давай. – Почему-то говорить с Таней о Сергее было не тяжело и даже приятно. И Алиса с удовольствием пошла за ней.

– Вот никак я не могу понять, ну как такой человек мог умереть в больнице при пустячной операции? – после второй рюмки спросила Таня. – Ладно там простой смертный. Столяр, или токарь, или страховой агент. Но Сергей Аркадьевич... Что, он не мог нормального врача найти? Профессора какого-нибудь? Или в Германию поехать лечиться?

– Да в том-то и дело, Тань, что и клиника высококласс-

ная, и врач очень хороший. Просто у Сережи обнаружилась злокачественная гипертермия. Это осложнение такое после общей анестезии, – грустно пояснила Алиса, рассматривая темное, густое, похожее на венозную кровь вино в бокале. – Это наследственная особенность организма, которая может проявляться не в каждом поколении и не у всех родственников. Сереже просто не повезло.

– Это мне вчера не повезло. Хотела у узбеков черешню по дешевке возле метро купить, так их перед моим носом мент почикал. Вот это называется – не повезло, – сердито, нравоучительно возразила Таня. – А это – трагедия, молодого мужика на операционном столе угробили! Неужели нельзя было заранее его проверить на эту гипертермию?

– Нет, – покачала головой Алиса. – Я после смерти мужа сама не своя была, только и думала, как этих врачей в его смерти обвинить. Но у Нины Аркадьевны есть подруга, очень хороший анестезиолог, доктор наук, она мне объяснила, что в России нет таких исследовательских центров, которые ее выявляют, и что процент таких осложнений на всю страну очень незначительный. У нас даже лекарства такого нет, которое может человеку жизнь спасти, если эта гипертермия наступила.

– А у них есть?

– Да. Я даже название запомнила. Дантролен. Если его вовремя ввести, человек выживет, – тяжело вздохнув, объяснила Алиса.

– Вот страна хреновая! – крепко, смачно, от души хряпнула кулаком по столу Татьяна, так что на нем вся посуда подпрыгнула. – Как тут жить нам, убогим, если таким, как Сергей Аркадьевич, вовремя лекарства не достали?

Что ей ответить, Алиса не нашлась и просто молча допила вино.

– Ладно. Хорошо посидели, пора и за дело, – поднимаюсь, возвестила Таня. – А вы, Алиса Игоревна, не горюйте. Таких людей, как Сергей Аркадьевич, поискать на свете, а вам повезло, столько лет с ним в счастье прожили. Даст Бог, еще встретите хорошего человека, и детей родите, и все у вас устроится.

От этих слов Алисе стало очень тепло на сердце. Сергей действительно был удивительным человеком, и ей действительно повезло. И надо быть благодарной судьбе за все, а не кукситься и жаловаться. А светлая, долгая память будет Сереже гораздо приятнее ее бесконечных слез и страданий.

Глава 3

– Ну как твои дела с наследством? – уплетая за обе щеки испеченные Таней пирожки с селедкой, спросила Вера.

Подруга нечасто выбиралась к Алисе в гости, все-таки трое детей и муж здорово ограничивали ее передвижения, но если уж выбиралась, то отрывалась по полной. Приезжала с утра пораньше и сидела в гостях чуть не до полуночи. Таня в честь ее приезда всегда старалась приготовить побольше разносолов, потому что Вера, худенькая и маленькая, отличалась просто невероятным аппетитом и могла слопать столько, сколько и взрослому мужику не под силу. К тому же у Алисы она целый день лодырничала, валялась на диване, смотрела телевизор, болтала сколько душе угодно, вкусно ела, не мыла посуду, не вытирала ничьи носы и не собирала по квартире разбросанные вещи. Вера называла свою поездку к Алисе «санаторием одного дня».

– Ты в компании была, выяснила, сколько тебе причитается ежегодных доходов?

– Похоже, нисколько, – усмехнулась невесело Алиса. – Я была на совете директоров, так, в качестве безмолвного гостя. В право наследства я еще не вступила, и рад мне там никто не был. Если бы Дубровин не настоял, так и в офис бы, наверное, не пустили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.